

Петр Алешкин
Юрий Васильев

*Крестьянские
восстания
в Советской России
(1918—1922 гг.)
в 2 томах*

Том первый

Петр Алешкин

**Крестьянские восстания
в Советской России (1918—
1922 гг.) в 2 томах. Том первый**

«Издательские решения»

Алешкин П.

Крестьянские восстания в Советской России (1918—1922 гг.) в 2 томах. Том первый / П. Алешкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834938-6

В книге рассказывается о причинах, истоках, начале и ходе всех самых значительных крестьянских восстаний против советской власти в условиях политики военного коммунизма в 1918—1922 годах. «Чапанка», «вилочное восстание», «махновщина», «антоновщина», «серовщина», кронштадтский мятеж и т. п.

ISBN 978-5-44-834938-6

© Алешкин П.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава I. Историографические, источниковедческие, теоретико-методологические аспекты исследования	22
1.1. Историография проблемы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Крестьянские восстания в Советской России (1918—1922 гг.) в 2 томах

Том первый

**Петр Алешкин
Юрий Васильев**

© Петр Алешкин, 2016

© Юрий Васильев, 2016

ISBN 978-5-4483-4938-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Актуальность темы книги обусловлена переходным состоянием постсоветского российского общества, неопределенностью ориентиров и приоритетов (в идеологии, теории) в отношении экономического и социального будущего в новой России. Сложившаяся переломная ситуация в определенной мере схожа с процессом вхождения России в европейское капиталистическое сообщество в конце XIX – начале XX в. Сегодня интеграция в глобальную капиталистическую систему, вступление России в ВТО, как и в условиях индустриального и монополистического капиталистического развития более столетия назад, поставила страну перед необходимостью модернизации. Важнейшим условием успешных преобразований, как показывает исторический опыт, является определение субъектов и источников модернизации. В данных условиях вопрос о крестьянстве как производителе материальных благ для всего общества вновь становится одним из ключевых.

В современном российском крестьянский вопрос выступает основополагающей проблемой, в которой нашли отражение все основные конфликты российской истории. Взаимодействие крестьянства и власти (государства), как значимых субъектов модернизационного процесса в истории России, являлось комплексом экономических, социальных, политических, духовных проблем. Подобное взаимодействие в форме единства власти и народа, государства и общества должно выступать одной из основ модернизации. Дальнейшая судьба российского крестьянства связана с решением продовольственной, сырьевой и других глобальных проблем в современном мире. Однако, как свидетельствует российский опыт, отношения крестьянства и государства нередко проявлялись в виде отчуждения власти и народа, сводились к гражданскому неповиновению и сопротивлению, создавали реальную угрозу для государственной власти, проявлялись очередной российской смутой. Поэтому государственная политика в отношении крестьянства должна основываться на исторических уроках, учитывать просчеты и ошибки политики власти в условиях переломных преобразований исторического прошлого, опыт преодоления конфликтных ситуаций и протестных настроений.

Изучение послереволюционных преобразований в России в условиях становления Советского государства является актуальным для сегодняшней России: в условиях изменения системы власти проявляются протестные настроения, возникают протестные явления. Данные явления сегодня («народные гуляния», «марши миллионов», лагеря «оппозиции», «панк-молебны» и т.п.), позиционируемые в качестве социального протеста, иногда пытаются соотносить с выражением масштабного народного протеста в российской истории. Однако подобные акции, не выходящие за пределы Садового кольца, типологически не имеют ничего общего с историческим опытом народного протестного движения в России.

Анализ и учет опыта протестного движения российского крестьянства, составлявшего 4/5 всего населения России, против государственной политики, получившей название «военного коммунизма», в 1918—1921 гг. и ее последствий в 1921—1922 гг., поможет найти оптимальные варианты укрепления государственности. Крестьянский протест, создавший угрозу государству (продовольственную, сырьевую, политическую, военную) вынудил государственную власть к поиску новых путей выхода из глубокого общественного кризиса, в котором оказалась страна. Изучение данной темы позволяет познать природу российского крестьянства как большой социальной группы, выявить его интересы и настроения, отношения крестьянства с другими социальными группами и слоями российского общества, определить пути привлечения крестьян к решению государственных задач.

Крестьянское протестное движение в Советской России в послеоктябрьской истории – недостаточно изученная страница исторического феномена, именуемого советским обществом. В период советской истории тема крестьянского протеста в условиях послереволюци-

онной России оказалась под запретом. Поощрялось изучение крестьянского неповиновения власти лишь в период феодализма и самодержавия, причем любые формы сопротивления рассматривались как формы классовой борьбы и двигатель исторического прогресса. Изучение событий прошлого сопровождалось созданием многочисленных мифов и легенд, искажениями исторической реальности и даже фальсификациями. В период создания различных мифологем формировалось обличительное восприятие крестьянских протестных явлений в общественном мнении: так появились *антоновицина*, *махновицина*, *мироновицина*, *сапожковщина*, *серовщина*, *роговицина*, *лубковщина*, *соловьевщина* и др. В подобном контексте причастные к крестьянскому сопротивлению становились бандитами, крестьянские восстания – кулацкими, эсеровскими и белогвардейскими. Однако сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления прошлого.

В условиях постсоветской России проявилось обратное явление – увлечение поиском сенсаций и трагических картин «братоубийственных сенсаций», отягощенных политической и пропагандистской риторикой. Сегодня нередко авторы акцентируют свое внимание на отдельных фактах, которые будоражат сознание, вызывая эмоциональное восприятие истории крестьянского движения, но не создают полной и объективной картины. Пафосные сравнения крестьянской войны в Советской России по размаху и последствиям с крестьянскими войнами, имевшими место в отечественной истории (в период Смуты начала XVII в., С. Разина, Е. Пугачева) создают не более чем формальное сходство.

Объективное исследование крестьянского протестного движения в масштабе всей страны в 1918—1922 гг. связано не только и не столько с описательной стороной отдельных восстаний, выступлений, волнений – важнее выявить, какими причинами было вызвано крестьянское протестное движение не в отдельных регионах, а повсеместно во всей стране, исследовать природу социального, экономического и политического протеста. В данном случае не обойтись без раскрытия природы такого явления в ранней советской истории, как политика военного коммунизма, выяснения причинно-следственных отношений политики военного коммунизма и крестьянской войны в России. Несомненный интерес представляет типологическая характеристика крестьянского движения.

Актуализация объективного исследования изучаемой темы обусловлена сегодня также международным фактором. В постсоветской истории отмечается повышенное внимание к созданию национальной истории самостоятельных государств, образованных на территории республик бывшего СССР. Данный процесс нередко сопровождается стремлением к героизации и преувеличению значения многих страниц советского прошлого, смещению трактовок в угоду политическим и идеологическим соображениям новых элит, что искажает историческую реальность. Так, сегодня в государствах Средней Азии история басмаческого движения получила известную долю сомнительных интерпретаций. Попытка создания нового мифа о якобы едином повстанческом движении в Советской Украине направлена на пропаганду иллюзии общеукраинского «народно-повстанческого движения». Можно предположить, что еще предстоит трудный и долгий путь согласования взглядов, подходов, а также поиска компромиссов в изучении советской истории.

Объектом изучения является крестьянство как большая социальная группа в Советской России, объединенная общими экономическими и политическими интересами, оказавшая существенное влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в стране в условиях послереволюционной России и начала строительства Советского государства.

Предметом исследования выступает, с учетом хронологических и территориальных рамок, крестьянское протестное движение как исторический феномен. Крестьянское движе-

ние понимается автором диссертации как разновидность социального движения¹. Под этим понятием подразумевается движение социальной группы (класса), обусловленное недовольством своим положением, которое ставит определенные цели. Социальное движение зависит от социальных факторов, которые его порождают, и является попыткой разрешения насущных социальных вопросов. Социальное движение в качестве совокупности продолжительных массовых коллективных действий социальной группы, связанных с удовлетворением и обеспечением групповых или общественных интересов и потребностей, ставит своей целью осуществление социальных изменений или предотвращение перемен (протест) посредством социальной борьбы на основе общих интересов. Крестьянское движение включает массовые коллективные действия по реализации интересов крестьянства как социальной группы (класса).

Социальное движение принимает различные коллективные формы: от стихийных взрывов неорганизованных выступлений до организованных и более или менее ясно сформулированных программ. Чем больше в социальном движении проявляется элементов сознания, тем более социальное движение принимает характер стремления к лучшему будущему. В историческом процессе социальное движение выражалось в форме крестьянских войн (высшей формы социальной борьбы крестьянства), восстаний (массовых вооруженных выступлений), волнений (локальных, местных и непродолжительных вспышек крестьянского протеста), выступлений (единичных проявлений крестьянской активности), бунтов (спонтанных, стихийных взрывов протеста). Крестьянская война выражает уровень крестьянского протестного движения, который становится проблемой государственной значимости, создавая для государства угрозу, вызов. В крестьянской войне взаимодействует комплекс протестных аспектов: земельный, продовольственный, религиозный, национальный, военный, мотивационный и др. Под повстанческим движением понимаются действия вооруженных отрядов восставших крестьян с конкретными лозунгами. Повстанцы – участники вооруженного крестьянского восстания.

Хронологические рамки книги охватывают период с весны 1918 г., ознаменовавшейся началом политики военного коммунизма, до конца 1922 г., когда протестное движение вследствие объективных и субъективных причин утратило активные формы повстанческого сопротивления. В рамках указанного периода выделяется поэтапный переход к нэпу, начавшийся в марте 1921 г., в значительной степени отягощенный последствиями политики военного коммунизма.

Территориальные рамки работы включают Советскую Россию (с июля 1918 г. – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика). В условиях начала строительства Советского государства, до принятия первой Советской Конституции в официальных документах использовались различные государственные наименования России (Российская Советская Республика, Страна Советов, Советская Республика, Российская Федеративная Республика и др.). Последовательное изучение темы обусловило необходимость расширения территориальных рамок и включение также Советской Украины (Украинская Советская Республика, Украинская Социалистическая Советская Республика). Советское государство до образования СССР в декабре 1922 г. представляло собой своеобразное федеративное государственное образование советских республик. В июне 1919 г. был принят декрет ВЦИК об объединении Советских Республик, включая Россию и Украину. В соответствии с ним произошло объединение республиканских органов военной организации и военного командования, СНХ, наркоматов финансов, труда, путей сообщения. «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР», утвержденный VIII Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1920 г., оформил вступление республик в военный и хозяйственный союз. Объединенными стали комиссариаты военных и морских дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов,

¹ См.: Социальное движение / Н.К. (Н. Кареев) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 61 (31). СПб., 1900. С. 75.

труда, путей сообщения, почт и телеграфа. Эти комиссариаты входили в состав СНК РСФСР, а в СНК УССР имели своих уполномоченных. Партийное руководство осуществлялось ЦК РКП (б), военное – РВСР и Главкомом РККА, хозяйственно-экономическое – наркоматами РСФСР, что обусловило проведение единой экономической и военной политики на всей территории Советской власти.

Целью исследования является выявление, на основе комплексной характеристики крестьянского протестного движения, его природы, динамики и социально-политического значения в условиях политики военного коммунизма и ее последствий в ходе перехода к нэпу.

Для достижения данной цели определены следующие *исследовательские задачи*:

- на основе изучения историографических, источниковедческих, теоретико-методологических аспектов взаимоотношений крестьянства и власти (государства) выявить истоки и течения политики военного коммунизма в Советской России, основы механизма возникновения и распространения протестного движения крестьянства;

- осуществить исследование политики Советского государства в отношении крестьянства, посредством контент-анализа законов, постановлений правительства, решений правящей компартии, выступлений В. И. Ленина и других руководителей Советского государства и партии выяснить причины крестьянского протестного движения в России;

- дать оценку взаимосвязи протестного движения и политики государственной власти, осмыслить и обобщить процесс перерастания протестных выступлений российского крестьянства в крестьянскую войну, показать ее эпицентры на территории Советской Республики;

- выявить общее, частное и особенное в типологической характеристике крестьянского протестного движения, определить факторы и основные формы крестьянского протеста в период политики военного коммунизма;

- на примере крестьянского движения в Тамбовской губернии в условиях кульминации политики военного коммунизма определить тождественные черты крестьянского протеста, рассмотреть возникновение, развитие и подавление антоновщины;

- изучить особенности крестьянского движения в условиях Гражданской войны, осветить религиозные, национальные и региональные аспекты крестьянского протеста, его проявление в вооруженных силах Советского государства;

- раскрыть рецидивные последствия военного коммунизма в условиях перехода к нэпу и проанализировать их влияние на крестьянское движение.

Историография проблемы и источники по изучаемой теме освещены в первой главе книги «Историографические, источниковедческие, теоретико-методологические аспекты исследования».

Методологические основы исследования. Изучение крестьянского протестного движения основано на принципах научной объективности и историзма, исключающих идеологическую предвзятость в исследовании, всесторонности, системности исторического анализа, актуализации функции исторической памяти. Проблема рассматривается в развитии, на общеисторическом фоне становления советской системы в России, в контексте изменений, происходивших в экономической, политической и социальной жизни в период военного коммунизма и Гражданской войны, перехода к нэпу.

Авторы рассматривают как упрощенный и неверный взгляд оценку марксизма в качестве чуждой западноевропейской теории, искусственно и даже случайно привнесенной и насаждаемой в России. Авторское видение проблемы основано на признании того, что традиционалистские (почвеннические, общинные и даже сакральные) привычки российского крестьянина оказались созвучны многим марксистским идеям. Утопическая по содержанию марксистская мечта о грядущем коммунизме удачно легла на подготовленную (народниками, славянофилами, социалистами различных направлений и пр.) почву народных идеалов и ожиданий в российском обществе. Подобные созвучия проявились в синтетическом феномене *советского*

коммунизма. Советский коммунизм объединил российскую традицию и идеологию коммунистической модернизации. Марксистская идея о бестоварном производстве и распределении, основанная на принципе справедливого распределения материальных благ, совпала с традиционным и консервативным образом натурального и общинного хозяйствования в российской деревне. Марксистские установки о построении бесклассовой общественной организации, ликвидации социального неравенства отвечали вековым ожиданиям устройства справедливого и гуманного общества, соответствующего пониманию *правды* и *свободы* в ментальности российского крестьянства. Советский коммунизм, целью которого являлось достижение некой идеальной высшей формы человеческого общества, создал духовную основу модернизации в России.

Изучение темы обусловило использование специальных исторических методов исследования: историко-сравнительного, проблемно-хронологического, историко-генетического, типологического, системного, синхронного, статистического, ретроспективного, метода исторической периодизации. Работа подготовлена с учетом современных методологических тенденций развития исторической науки, направленных на репрезентацию исторического прошлого (включая объяснение, интерпретацию, поиск смысла, понимание).

В исследовании темы авторы основывались на методологических традициях русской исторической школы в области социальной истории. Концептуальной основой исследования послужила теория протестного движения как явления социального (включая протестные настроения и протестные действия), разработанная выдающимся российским теоретиком истории Н. И. Кареевым. В его историологии (теории исторического процесса) нашло отражение осмысление проявления общественных конфликтов, социальных антагонизмов, в том числе в отношении сословий и других социальных групп в условиях гражданского противоборства, включая периоды гражданских войн. Для изучения и понимания проблематики протестного движения большое значение имеют кареевские интерпретации природы протеста, взаимоотношений сословий и государства, причин и факторов возникновения протестных явлений, анализ условий для трансформации отдельных протестных проявлений в социальное движение, выявление общих и особенных черт в протестном движении, мотивационных особенностей протестного движения, осмысление взаимодействия и взаимовлияния материальных, религиозных, этнических, партийных и пр. интересов социальных групп и государства, соотношение коллективных и индивидуальных форм протеста, настроений и действий, организованных и неорганизованных (стихийных) форм, оценка роли вождей в общественном движении.

Особый интерес представила методология истории В. О. Ключевского: конструкты *исторических сил* (включая человеческую *личность*, *общество*), их взаимодействия; *народа* как исторической личности и его призвания; значения *государства* и идеи *общего отечества*. Изучение социальных явлений эффективно в парадигме двух взаимосвязанных состояний — настроения и движения, в процессе взаимодействия которых одно постоянно вызывается другим или переходит в другое. В результате, по Ключевскому, исследователь получает возможность приблизиться к пониманию существа изучаемого предмета.

Для раскрытия мотивационных аспектов протестного движения привлечен социально—психологический метод изучения. Важное значение в изучении темы имеет разработанная А. С. Лаппо-Данилевским теория мотивации субъектов исторического процесса, в которой под мотивом понимается реальное основание или состояние сознания, которое обуславливает (вызывает, определяет) социальное движение. Различия в мотивах порождают соответствующие различия в действиях. Как правило, историку приходится изучать комбинации мотивов и обусловленных ими действий или результатов деятельности, направленных на достижение цели. Представление о цели, к достижению которой стремится данный субъект, предпола-

гает необходимость комбинировать целые группы и ряды мотивов, вызывающих конкретные поступки или действия.

Новизна исследования определяется современным подходом к осмыслению методологических аспектов и эмпирического материала. На основе анализа теорий и концептуальных подходов к аграрной эволюции осуществлено выявление факторов и причинно-следственных связей в механизме взаимоотношений государства и большой социальной группы – крестьянства. Это позволило автору работы определить истоки и предтечи политики военного коммунизма в Советском государстве. Изучение протестного движения крестьянства представлено на общероссийском материале, основанном преимущественно на архивных источниках, в том числе значительном массиве документов самих повстанцев. Структура диссертационной работы отражает ее целостный и комплексный характер. В исследовании темы рассматривается *общее* (общность типологической характеристики всего крестьянского движения, крестьянская война как высшая форма крестьянского сопротивления), *частное* (эпицентры протестного движения, антоновщина как важнейшая составная часть крестьянской войны), *особенное* (мотивационные аспекты и влияние различных факторов на крестьянское движение, религиозные, национальные особенности крестьянского протеста, отражение крестьянских протестных настроений в вооруженных силах Советской Республики: сапожковщина, григорьевщина, Кронштадт).

Новизна исследования проявилась в следующих выводах и обобщениях.

1. Авторы книги позиционирует созвучность собственных трактовок к направлению в историографии, определяемое им в качестве *модернизационного*. В данном направлении выделяются аспекты в его содержании, ориентированные на современную трактовку военного коммунизма как попытку большевистской модернизации России на основе марксистской модели. Представители данного направления не отрицают влияния конкретных чрезвычайных обстоятельств на государственную политику, однако основное внимание акцентируется на осмыслении попытки модернизации Советской России. Отличие от *плюралистического* направления заключается в различии исследовательского методологического подхода: в модернизационном направлении используется парадигма модернизации на основе собственной идентичности.

В работе утверждается, что теоретическими предпосылками построения нового общества в Советской России являлись марксистские взгляды, сформировавшиеся в XIX веке в Западной Европе под воздействием невиданного ранее индустриального прогресса. По утверждению автора работы, объяснение политики большевистской власти нельзя ограничить только обусловленностью военного коммунизма трудностями военной интервенции западных стран и Гражданской войны. Советская модернизация (т.е. переход от традиционного, аграрного общества к современному) основывалась на марксистских предположениях о непосредственном переходе к социалистическому строительству через создание государственного производства и распределения. Сама модель политики военного коммунизма отражала соответствующее видение социализма в соответствии с марксистскими представлениями о всеобщей национализации и обобществлении средств производства, огосударствлении экономики, централизованном государственном распределении материальных благ. Однако применение ортодоксального марксизма к реалиям крестьянской страны, породившее в значительной степени проявления своего рода революционного ревизионизма (выраженные в ленинизме), носило утопический характер.

Теоретико-методологическое понимание изучаемой проблемы автор работы связывает с освещением знаменательной дискуссии между марксистами и их оппонентами, которая имела место на рубеже XIX—XX вв.: одно направление ориентировалось на грядущее всемерное укрупнение и обобществление крестьянских хозяйств, другое отдавало предпочтение мелкому крестьянскому хозяйству, настаивая на его живучести. Предмет данной дискуссии имел особое

значение для крестьянства России как аграрной страны. В современной историографии дискуссия, имеющая важнейшее значение для понимания истоков и природы политики военного коммунизма в Советской России, до сих пор не освещена и не оценена должным образом.

В книге показана позиция марксизма: утверждались идеи о превосходстве крупного хозяйства не только в промышленности, но и в земледелии; об обреченности мелкого крестьянского хозяйства в борьбе с крупным капиталистическим производством; мелкому собственнику предрекалась неизбежная гибель. В крестьянине—собственнике марксисты видели лишь будущего пролетария. Социализм воспринимался не с перспективой сохранения индивидуального владения, а с его устранением, при этом отмечалась нежелательность насильственной экспроприации.

В марксизме не было четко сформулированной программы построения социализма. Но основные черты понимания социализма проступали в марксовской критике капитализма: отказ от частной собственности, рынка, от денег, ликвидация разделения труда между городом и деревней (это означало урбанизацию деревни путем превращения крестьян в рабочих на сельскохозяйственных фабриках или в коллективных хозяйствах). Программа будущего в марксизме вполне определенно представляла собой единый проект национализации, коллективизации и планирования, дополненный революционным принуждением. В новом общественном строе, основанном на общественной собственности, в конструкции марксизма предполагалось вытеснение мелкого производства крупным общественным. Крестьянство как класс воспринималось марксистами социальной формой феодального общества, не принадлежавшая ни к миру капитализма, ни к социализму. В условиях капитализма крестьянство, в качестве наследия феодального происхождения, рассматривалось в качестве отсталого элемента в современном обществе. В будущем социализме организация крупного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве обуславливала избавление социума от крестьянской собственности.

Представления марксизма о будущем обществе воспринимаются не как научно—технический прогноз, а скорее как социальное пророчество, в котором коммунизм является идеальным ориентиром. Характеристика будущего имеет абстрактный характер – иначе быть не могло, поскольку вопрос решался в чисто теоретическом виде. О реальных социальных и экономических механизмах развития будущего общества марксисты могли рассуждать, основываясь на реальности современного ему капитализма, которая не могла подсказать ответа на этот вопрос.

Теоретико-методологическое осмысление изучаемой темы позволило констатировать, что государственная политика в отношении крестьянства должна учитывать наличие и действие объективных факторов. В книге обосновано заключение, что спор о преимуществах и достоинствах различных форм хозяйствования в аграрной сфере в условиях многоукладной экономики конструктивно решен представителями научной школы А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева, разработавшими синтезированную модель аграрной эволюции. Существуют объективные пределы повальной «капитализации» в сельском хозяйстве – эту сторону специфики аграрной эволюции недооценили сторонники марксизма. Объяснение существования многоукладности форм хозяйствования на селе, в т.ч. в индустриально развитых странах, заложено во внутренней мотивационной основе хозяйственной деятельности как крупных хозяйств, так и мелких крестьянских. Эта деятельность управляется прежде всего внутренними регуляторами. Природа мотивации хозяйствования объясняет возможность и даже необходимость одновременного развития, наряду с крупными формами хозяйств, имеющими несомненные преимущества, мелких крестьянских хозяйств. Претензии И. В. Сталина на окончательную точку в споре марксистов и их оппонентов в виде объявления в 1929 г. формулы «великого перелома» (в качестве подтверждения на практике теоретического тезиса марксизма о преимуществе крупного коллективного земледелия над мелким индивидуальным хозяйствованием)

являются не более чем политическим вердиктом и приговором в отношении «ученых типа Чаяновых», анафемой в адрес «чаяновщины» и «кондратьевщины» (дополненных физическим уничтожением замечательных ученых России).

Недооценка объективных закономерностей цивилизованной аграрной эволюции, которая проявилась в условиях большевистских преобразований по марксистской модели, привела к просчетам и ошибкам в идеологии и осуществлении политики военного коммунизма, следствием чего стал системный кризис в стране весной 1921 г. Освещение последствий военного коммунизма в условиях перехода к нэпу дало возможность констатировать признание большевистской властью ошибочности предположений по поводу непосредственного перехода пролетарского государства к коммунистическому государственному производству и распределению в мелкокрестьянской стране. Изменение политики, олицетворяемое с переходом от «штурма» (военный коммунизм) к «осаде» (нэп) не означало стратегической корректировки партийных установок. Доктрины большевистских теоретиков (Е. А. Преображенский, Н. И. Бухарин) ограничивались рамками марксистской коммунистической доктрины. Разногласия имели место в отношении тактических моделей в границах переходного периода от капитализма к коммунизму. Переход от военного коммунизма к нэпу в значительной мере совершался методами военного коммунизма.

2. В контексте комплексного подхода представлено многоплановое освещение причин, факторов крестьянского протестного движения, его природы в условиях начала формирования Советского государства.

Авторы работы осветил перерастание крестьянской революции 1917—1918 гг. в крестьянскую войну против политики военного коммунизма. Начало крестьянской войны авторы связывают с проявлением первого массового протеста крестьян против системы военного коммунизма (ноябрьско-декабрьские восстания крестьян в 1918 г., которые охватили почти половину территории, находившейся под контролем Советского государства), а также официальной констатацией большевистской властью появления «единого контрреволюционного фронта». В 1919—1922 гг. крестьянская война приобрела полномасштабный характер. Природа крестьянской войны на территории Советского государства оценивается авторами в качестве войны гражданской по своему содержанию. Мощное крестьянское протестное движение охватило практически все регионы Советской Республики и создало опасность для самого государства.

На основании обобщения характеристики крестьянского сопротивления государственной политике Советского государства определены признаки крестьянской войны в период ранней советской истории: охват движением значительной территории, контролируемой повстанцами; элементы организованности в стихийном крестьянском движении: складывание единого военно-политического руководства в крупных восстаниях, объединяющего разрозненные действия отдельных повстанческих отрядов; создание повстанческой армии и штабов по руководству вооруженными повстанческими формированиями, включая сражения с регулярными армейскими частями Красной Армии; общие для всего движения лозунги, разработка и принятие социальных и политических программных документов. Постановка вопроса о взаимоотношениях социальной группы (крестьянство) и власти (государство). Крестьяне поднимались на борьбу против политики государства, а не только его местных органов (в дореволюционном прошлом крестьяне направляли оружие против помещиков, но не против государства). Такой политикой выступала единая общегосударственная политика в масштабе всей страны – политика военного коммунизма, в рамках которой получили законодательное оформление насильственные порядки для всей страны и осуществлялось ее проведение в отношении всего крестьянства страны. Вопрос об организации власти стал для крестьянства одним из ключевых: борьба не против государственной власти как таковой, а за справедливую народную власть, олицетворяемую с властью избранных народом Советов. Изменение общественного сознания

проявилось не только в осознании собственной угнетенности, бесправия, обездоленности, безнадёжности, не только в накоплении ненависти и неприятии государства, но и в разнообразных формах активного сопротивления, включая вооруженное. При этом характерными чертами крестьянской войны, как и в другие эпохи, стали стихийность и разрозненность крестьянских действий и в целом стихийный характер войны; массовое участие крестьянства придавало сопротивлению силу, размах и остроту; длительность войны объяснялась тем, что, будучи подавленной в одних районах, она вспыхивала с новой силой в других.

Историческое значение крестьянской войны заключалось в ее воздействии на политику государства, дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие страны. Это проявилось в признании государственной властью ошибочности прежней политики и объявлении переход к нэпу. В то же время авторы не переоценивают проявление легитимации ряда крестьянских требований в новом Земельном кодексе, который был принят 30 октября 1922 г. и вводился в действие с 1 декабря. Новое советское земельное законодательство, по мнению авторов, следует рассматривать не столько как победу крестьянства, как это нередко трактуется, а в качестве уступки, в духе нэпа, крестьянским интересам. Поэтому воспользоваться плодами подобной «пирровой» победы оказалось невозможно: основополагающим принципом советской земельной политики стала национализация земли – крестьянство так и не дождалось обещанной социализации; допущение элементов капитализма в экономической сфере нэпа сопровождалось одновременным ужесточением политической системы.

3. Результаты проведенного исследования дали возможность авторам работы получить обоснованные и достоверные заключения и оценки в интерпретации и понимании исторических событий и явлений, а также опровергнуть многие из до сих пор существующих мифов и искажений исторической истины. *Во-первых*, отмечается, что нередко возможности крестьянского протеста получают преувеличенную характеристику. В этой связи важным вопросом является оценка степени угрозы (опасности) крестьянского движения для Советского государства. Рассуждения о гипотетическом варианте объединения крестьянского протестного движения в масштабе всей страны (или хотя бы крупного региона), тем более о захвате власти в стране, по оценке авторов, беспочвенны. Конечно, крупные протестные явления (антоновщина, махновщина, Западно-Сибирское восстание, «чапанка», «вилочное восстание», серовщина, Кронштадт и др.) создавали военную угрозу государству, отвлекали значительные военные силы Красной Армии и материальные ресурсы государства на их ликвидацию. Однако даже в условиях кульминации крестьянской войны не военная опасность являлась определяющей, а продовольственная угроза, которая могла поставить под сомнение само существование Советского государства. Парадоксально, но изначальным источником продовольственной угрозы для Советского государства являлось не само крестьянское движение, а экономическая политика самого государства. В ходе крестьянской революции 1917—1918 гг. в стране произошел экономический регресс, связанный с возвратом к натуральному, патриархальному хозяйствованию: крестьянские хозяйства в большинстве своем обеспечивали лишь потребности собственной семьи, располагая незначительными запасами товарного хлеба. «Осереднячение» деревни объективно сокращало сектор крестьянского землевладения, на котором велось товарное производство, порождало падение производительных сил. Политика военного коммунизма ускорила данный процесс: из-за незаинтересованности крестьянина в обработке земли, изъятии «излишков» сверх потребительной нормы привел к резкому сокращению посевных площадей и уменьшению крестьянских хозяйств. Не имея никакого интереса в расширении своих хозяйств, крестьянство ограничивалось производством лишь для потребности собственной семьи. Стремительный рост натуральных хозяйств подрывал продовольственную политику, построенную на извлечении «излишков», то есть реквизиций хлеба при разверстке.

Военный коммунизм, порождавший протестное движение в крестьянской среде, по сути своей работал на собственную самоликвидацию. Уход крестьян к повстанцам сокращал тру-

довые ресурсы в деревне. Военная цель – подавление восстаний и уничтожение повстанцев – противоречила экономическим соображениям. В опустевших крестьянских волостях (одни были убиты, другие репрессированы, третьи ушли к повстанцам) не у кого было забирать «излишки» – не стало ни излишков, ни их производителей. Возникла опасность потери источника продовольственных ресурсов. Никакой реквизиционный аппарат не был в состоянии решить данную проблему. Принуждение с использованием вооруженной силы оказывалось бессмысленным занятием, когда некого принуждать к выполнению хлебной и других разверсток, с начала 1921 г. – семенной разверстки, посевных кампаний (полного засева полей). Некому было также выполнять трудовые повинности: подвозить хлеб, заниматься заготовкой топлива и пр. У крестьян не осталось ни лошадей, ни фуража. В результате образовался своеобразный порочный круг: государственная политика военного коммунизма, являясь причиной крестьянского сопротивления, одновременно поставила государство перед чрезвычайной необходимостью ликвидации повстанческого движения, поскольку провал посевной кампании и сбора продразверстки (из-за потери производителей и сельхозпродукции) создавал реальную и постоянную угрозу голода в стране. Монополизация продовольственного дела, как задача огромной трудоемкости, предполагала наличие организованного, отлаженного и огромного государственного механизма, которого Советское государство не имело. Затраты государства, связанные с заготовкой крестьянского хлеба (изъятием и сохранением зерна и продовольствия у крестьян) и доставке его в города оказывались непомерно высоки: на современном экономическом лексиконе это означало нерентабельность всего государственного предприятия.

Во-вторых, не преодолен идеологический миф о характеристике повстанческого крестьянского движения как следствия заговоров и руководства белогвардейского офицерства. В результате изучения данного вопроса выяснилось, что «осередняченное» крестьянство, рассматриваемое в качестве господствующей части данной социальной группы, объединяло с красными наличие общего врага – Белой гвардии, пытавшейся восстановить ненавистную для крестьянства помещичью Россию. Для крестьянина главным врагом был помещик и его защитник – Добровольческая армия. Белогвардейцы в крестьянском сознании ассоциировались с бывшими угнетателями, одетыми в офицерские мундиры, которые мечтали о реставрации былой великой, единой и неделимой России. К тому же белые правительства не пытались привлечь крестьянство на свою сторону даже обещаниями – решение земельного вопроса относилось на неопределенное будущее. Импульсивные попытки земельных реформ последнего белого правителя генерала Врангеля имели определенную ориентацию на зажиточного сельского хозяина. В этой связи рассуждения о руководстве крестьянскими восстаниями со стороны белогвардейцев не имеют оснований. Кронштадтское восстание, в котором проявился крестьянский протест, также не было белогвардейским мятежом, как утверждалось в советской легенде. Создателем данного идеологического мифа стал председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий.

В-третьих, в работе опровергается идеологический миф о руководстве крестьянским протестным движением со стороны эсеров. Навешивание ярлыков в адрес крестьянских восстаний как «кулацко-эсеровских мятежей» включает в себе очевидный парадокс. IX Совет партии эсеров принял установку на борьбу с кулачеством как одну из основных партийных задач. Позиция партии основывалась на установке: организация крестьянства должна строиться на почве политической программы, а не на почве профессиональных крестьянских интересов. Крестьянские союзы создавались без участия партии эсеров. Позиция эсеров в роли «третьей силы», закреплённая IX Советом партии в июне 1919 г., выражалась в стремлении противопоставить противоборствующим сторонам в Гражданской войне – большевизму и реставрации – «трудовую демократию города и деревни» (крестьянство в первую очередь) как «третью силу». В частности, зеленое движение рассматривалась эсерами в качестве вооруженной опоры «третьей силы» для борьбы против обеих диктатур (В книге подчеркивается непра-

вомерность отождествления зеленого движения с крестьянским движением в целом: зеленые являлись лишь частью крестьянского протеста). Однако попытка создать демократическую альтернативу в условиях борьбы на два фронта потерпела провал. Реальная невозможность становления эсеров в качестве «третьей силы» в стране, охваченной жестоким и кровавым гражданским противоборством, проявилась в отказе от любых компромиссов: исключении из возможной социальной опоры значительных протестных потенциалов в крестьянском движении в виде махновщины, антоновщины. Особенно наглядно беспомощность партии эсеров проявилась в ряде заявлений партийного руководства о непричастности эсеров к крупнейшим протестным крестьянским движениям. Трудно представить себе даже гипотетическую возможность в отношении крестьянской среды «подняться до понимания общегосударственных задач и методов борьбы» или «оформления классового самосознания крестьянства». Тем не менее осенью 1920 г., в условиях массовых и мощных протестных крестьянских выступлений по всей стране, эсеры настойчиво продолжали утверждать прежние установки. К тому же после ликвидации военных фронтов и победы Советской власти над белыми уцелевшие остатки представителей небольшевистских партий (эсеры, меньшевики) находились на учете чекистов.

Большевистская трактовка крестьянских восстаний как «кулацких», «эсеровских», «белогвардейских» была обусловлена идеологическими и пропагандистскими соображениями, а также стремлением партийных, советских, военных руководителей, чекистских органов переложить вину за собственные просчеты.

В-четвертых, В книге освещается происхождение и содержание мифа об анархистской природе махновщины, опорой которой якобы являлись кулацкие верхи деревни. Как показано в работе, его авторство принадлежало Л. Д. Троцкому, чтобы заслонить народное крестьянское содержание махновщины. Попытка Троцкого объединить в одном социальном явлении – махновщине – непримиримые стороны (анархокоммунизм и кулачество как его враг) представляется провокационной. Анархистская умозрительная теория, как идеология радикального революционного толка, оказалась далекой от подлинных интересов трудящихся. Поэтому безосновательно выпячивание анархистской оболочки махновщины, попытки определить типологию данного массового крестьянского движения в качестве анархистского.

Махновщина возникла и развивалась как самостоятельное крестьянское движение с осознанными целями, его руководитель Нестор Махно был выразителем крестьянских настроений. Для характеристики социального состава махновского воинства автором работы приведена характеристика основной группы командного состава махновцев, входивших в число ближайших сподвижников Махно. Махновские командиры, игравшие заметную роль в крестьянском движении, являлись выходцами из бедноты, имели в основном образование не выше начального. Махновская армия в значительной степени состояла из бедняцкой молодежи, верившей в идеал уравнилельного социализма.

В работе также определяются принципиальные отличия махновщины от григорьевщины и петлюровщины, что опровергает пропагандистские утверждения о едином общеукраинском «народно-повстанческом движении».

В-пятых, авторы проанализировали социальную основу крестьянского протестного движения. Доказано, что ее составили среднее крестьянство, а также крестьянская беднота. В работе обосновано положение о том, что политика военного коммунизма легла своей тяжестью в первую очередь на основной слой сельского населения – среднее крестьянство, подрывая стимулы аграрного хозяйствования. Заставить производителя отдавать хлеб и не снижать при этом сельскохозяйственное производство можно было только усилением мер принуждения и насилия. Середняк являлся наиболее исправным плательщиком разверсток, у многих сыновья ушли в Красную Армию добровольцами. Он нес на себе основной груз разверсток. Конечно, ни один крепкий хозяин не горел желанием добровольно расстаться с «излишками» как по государственной разверстке, так и по фактически повторной разверстке – внутренней.

Помимо многих видов разверсток, на среднем крестьянстве держались тяготы трудовых повинностей. В условиях кульминации политики военного коммунизма ужесточение мероприятий в отношении крестьянских хозяйств достигло крайнего предела: государственная власть требовала от российского крестьянства обязательного полного засева полей по заданию государства: устанавливались государственные планы засева по уездам, волостям и селениям как часть общегосударственного плана обязательного засева. Все крестьянские запасы семян объявлялись неприкосновенным семенным фондом. Государственной повинностью объявлялось обсеменение всей площади земли, установленной государственным планом посева. Губернские органы власти получили право вводить семенную разверстку, а также перераспределять среди крестьян их семенные запасы.

Авторы подчеркивают следующее обстоятельство: помимо среднего крестьянства, недовольство властью выражала также значительная часть крестьянской бедноты. Активное участие в восстаниях «полупролетариата» (беднейшего крестьянства) разрушило обоснование существования в Советской России социальной опоры диктатуры пролетариата. Нередко именно бедняки, не отягощенные личной собственностью, становились активными повстанцами. Подобное явление вполне объяснимо. Неимущее сельское население, не имеющее собственных запасов хлеба, должно было обеспечиваться за счет внутренней разверстки – излишков, оставшихся у более зажиточных крестьян сверх норматива по государственной разверстке и собственного потребления. Крестьянская беднота, чтобы получить хлеб, должна была добираться в волостной центр, выстаивать очередь в продовольственной конторе, доставлять полученный хлеб домой – на все это растрчивалось много времени и сил, столь необходимых в полевой сезон. Кроме того, именно беднота, поддержанная средним крестьянством, в условиях массовой мобилизации в Красную Армию во многих местах поднимала мятежи мобилизованных.

Даже в период перехода к нэпу сокрытие от учета пашни осуществлялось в первую очередь беднейшим крестьянством, семьями красноармейцев, вынужденных идти на этот шаг из-за разорения хозяйств после Гражданской войны: нечем было засеять поля. Однако план продналога устанавливался по наличию фактической земли, вне зависимости от того, сколько крестьянин мог засеять (не учитывалось наличие семенного материала, рабочего скота, инвентаря). Крестьяне—бедняки, не имея возможности заплатить продналог, продавали семенной материал и сельхозинвентарь, скот, чтобы оплатить налог. Сбор продналога за скрытую от учета землю порождал недовольство бедняков.

4. В книге представлена *типологическая характеристика* крестьянского протестного движения. Анализ природы протестного движения российского крестьянства в 1918—1922 гг. как гражданского противоборства по своему содержанию, позволил автору исследования сделать заключение о типологической общности протестных крестьянских явлений на всей территории Советского государства, наличии в характеристике протестного движения тождественных черт, закономерностей и тенденций. Авторское видение изучаемой проблемы основано на доказательстве гипотезы о порождении крестьянской войны стратегическими просчетами политики военного коммунизма. Объяснение подобной картины заключается, во-первых, в природе самого крестьянского сообщества, во-вторых, в проведении единой государственной политики на территории всей страны. Общность условий создавала характерную тождественность протеста со стороны одного и того же субъекта в лице крестьянского населения. Типологическая характеристика крестьянского протестного движения в Советской России основана на выявленной автором структуре крестьянского протеста. Ее составляющими стали: причины и факторы возникновения протестных настроений и явлений; основные движущие слои крестьянского протеста и состав его участников; программные документы и лозунги повстанческого движения; формирования повстанцев (военные, административные, хозяйственные, политические, судебные, пропагандистские и др.); состав руководителей повстанцев и их про-

исхождение; характер и формы противоборства повстанцев и власти (государства), причины поражения крестьянских восстаний; механизм карательной политики и подавления восстаний со стороны Советского государства; последствия крестьянских протестных выступлений.

В работе обосновано положение о том, что, несмотря на повстанческую активность, в крестьянской среде превалировало «молчаливое большинство», характеризующееся архетипами, которые способствовали воспроизводству подданических образцов в настроениях и поведении крестьянства. В числе подобных архетипов – выраженная этатистская ориентация и государствоцентричность. Консерватизм как характерный архетип крестьянского сознания основывался на нежелании и боязни радикальных перемен. Традиционалистско-патерналистские стереотипы политического сознания и поведения российских крестьян, формировавшиеся веками, имели глубокие корни. В крестьянской среде государство традиционно воспринималось как гарант стабильности и порядка. В отношениях между человеком и государством последнее всегда являлось господствующим. Другим архетипом в крестьянском мироощущении выступала ассоциация легитимности верховной власти с идеей о сакральности власти. В подданическом поведении крестьянской массы это выражалось в подчинении власти, основанном на вере в ее всеисилие. Неслучайно в политическом поведении крестьян традиционно проявлялось пренебрежение правом на политическую власть. Отчуждение власти и населения непосредственно проявлялось во взаимоотношениях крестьянства и государства. Крестьянство никогда не ассоциировало себя в качестве субъекта реальной политики, добровольно отдавая данную функцию государству.

Авторы выделили особенности крестьянской ментальности, которые нашли выражение в мотивационной характеристике поведения крестьянства. Для российского крестьянства привычной являлась идеализация «правды» (в понимании справедливости), всеобщего равенства, неразвитость идеала свободы. Крестьянская общинность основывалась на уравнительном принципе социальной справедливости и антисобственнических настроениях. Восприятие свободы в крестьянском сознании носило неизгладимую печать традиционной русской «воли». Однако свобода и воля имеют существенные различия. Свобода по-русски (то есть «воля») была лишена институционального, социального содержания. Воля, в отличие от свободы, предполагающей обязанности каждого отдельного человека по отношению к обществу и другим гражданам, не социальна, она представляет собой способ поведения отдельного субъекта, который не включен в систему нормативных социальных отношений. Стереотип русской волиницы проявлялся в правовом нигилизме крестьянства, в их ментальной установке судить не по закону, а по справедливости. Многие отказывались в открытую восстать против власти государства из-за боязни мести за участие в восстании: население на собственном опыте уже познало карательную мощь государственной военной и административной системы. Решившийся на восстание осознавал, какие последствия ожидают его самого и его семью. Крестьянин, по складу своего природного ума привыкший к прагматичному подходу к любому делу, решаясь на отчаянный шаг – восстать против государственной власти, – отдавал себе отчет, что обратной дороги может не быть, прекрасно осознавал последствия восстания в случае его ликвидации не только в отношении себя самого, но особенно в отношении семьи, родных, родного селения.

5. В понятие «протестное движение» авторы включают в т.ч. идейные основы протеста. В работе обосновано обобщение о том, что военную опасность для государственной власти со стороны крестьянского протестного движения заслонил, помимо продовольственной угрозы, также политический фактор. Реальная опасность для власти нашла выражение в формуле Л. Д. Троцкого об угрозе «мирно сползти к Термидору»: под лозунгом Советов и во имя Советов оказаться на термидорианских позициях даже со знаменем коммунизма в руках. В этой связи авторами обращается внимание на личное участие высшего партийного, совет-

ского и военного руководства страны в подавлении и ликвидации тех очагов крестьянского сопротивления, в которых проявлялись политические требования и интересы.

В книге опровергается миф о крестьянском протестном движении, обусловленном якобы антисоветской направленностью. В крестьянском сознании проявилось двойное понимание власти: за «свою» (народную) власть крестьянин готов принести себя в жертву, против «чужой» власти крестьянский мир поднимается на решительную борьбу. Крестьянское понимание справедливого общественного устройства, выразившееся в протестном движении, сводилось к лозунгу «Советы без коммунистов». Крестьянский протест выражался не против формы государственного управления в виде Советов. Отношение к Советской власти характеризовалось восприятием ее как «истинной», народной власти, близкой интересам трудового народа. Для организации новой власти крестьянство желало выбрать представителей от населения. На повстанческих территориях указанный лозунг воплощался на практике путем создания волостных и сельских крестьянских Советов.

По сути именно в духе коммунистической идеи манифесты повстанцев сформулировали задачи движения в основных сферах общественной жизни: экономической, политической, духовной и даже внешнеполитической. Об этом свидетельствуют основные положения, изложенные в программных документах повстанческого движения (Программа антоновского Союза трудового крестьянства в Тамбовской губернии, резолюция гарнизонного собрания мятежного Кронштадта 1 марта 1921 г., Декларация Революционного военного совета и командующего армии «Воли Народа» Серова-Далматова, политические резолюции махновских съездов и др.). Движение протеста выявило также наличие политических лозунгов. Немногочисленные политические программы, созданные в крестьянском движении, отразили протест против общей государственной политики, а не только протест против отдельных ее издержек на местах. Подобные документы опровергают олицетворение повстанческого движения с «политическим бандитизмом».

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что политика военного коммунизма породила не только экономический кризис, но и острый политический кризис, создавая оппозицию правящей власти. Первоначальные обещания Советского государства (Декрет о земле, Декрет о мире), породившие надежды и ожидания в крестьянской среде, сменились глубоким разочарованием и отчуждением от большевистской власти. Ожидавшаяся трудовым крестьянством социализация земли на практике трансформировалась в рамках государственной политики в национализацию. Одновременно ожидания, порожденные Декретом о мире, воплотились на практике во всеобщей мобилизации в Красную Армию. В работе показано, что мотивационные аспекты сложившейся ситуации во многом объясняют обстоятельство того, что апогей крестьянской войны в России наступил в конце 1920 – начале 1921 г., после победы Советской власти над Белым движением и ликвидации военных фронтов. В данном случае сказалось не только усиление насильственных методов политики военного коммунизма, оформленное решениями VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г., но и осознание несбывшихся крестьянских надежд и невыполнения ожиданий со стороны большевистской власти после победы над белыми, проявление коллизий крестьянской ментальности (разделение на большевиков и коммунистов). В сознании трудового крестьянства утвердилось настроение о происходившем перерождении народной Советской власти, завоеванной в результате революции и Гражданской войны. В обиход вошел лозунг «За большевиков, но против коммунистов». В крестьянском понимании это означало следующее: Советская власть дала крестьянам землю – это сделали большевики. А власть, которая ввела ненавистную продразверстку, не отдала бывшую помещичью землю крестьянам, а организовала на ней совхозы, коммуны, – это власть «коммуны», власть не большевиков, а коммунистов.

6. Изучение в общем крестьянском движении его составляющих дало возможность определить крестьянское протестное движение в Тамбовской губернии в начале 1920-х гг. в каче-

стве знаменательного события всей послеоктябрьской истории России, общероссийской значимости по масштабу, политическому и экономическому резонансу и последствиям в стране. Наряду с другими крестьянскими восстаниями антоновщина создала реальную угрозу для Советского государства (в большей степени продовольственную, чем военную), которая стала опасной для самого существования большевистской власти. Социальное движение крестьянства вынудило государственную власть к отмене политики военного коммунизма и переходу к новой экономической политике. В книге показано, что в антоновщине отразились характерные черты протестного движения российского крестьянства. Общие типологические черты характерны также для другого крупнейшего протестного явления в Советской России — Западно-Сибирского восстания 1921 г.

В процессе исследования эпицентров крестьянской войны освещены малоизвестные исторические страницы. Одним из таких событий российской истории показано повстанческое движение в Поволжье — серовщина (Поволжье и Урал). В течение более чем двух лет — с лета 1920 г. до осени 1922 г. — военная мощь Советского государства не могла справиться с повстанцами — единственный пример столь длительного сопротивления государственной власти. В серовщине, как и в другом малоизвестном протестном выступлении Народной повстанческой армии в Сибири (июнь — август 1920 г.), проявился особенный феномен повстанческого движения: в данных протестных явлениях народное движение против государственной политики объединило интересы крестьянства и казачества, что в целом было нехарактерно для России.

7. Наряду с общими типологическими характеристиками крестьянского протестного движения в диссертационном исследовании освещены особенности крестьянского протеста. В книге особо выделяется важное обстоятельство: состояние Гражданской войны наложило знаковый отпечаток на крестьянское движение. Решение крестьянского вопроса, соответствующее крестьянским интересам, автором работы рассматривается в качестве важнейшего фактора влияния на крестьянство со стороны государственной власти. В условиях Гражданской войны в России данный вопрос определял итог гражданского противоборства большевистского государства и Белой власти: именно крестьянский вопрос являлся ключевым в борьбе за народ, основную часть которого составляло крестьянство. Изучение степени решения данного вопроса в Белом движении позволило получить ответ на вопрос: почему крестьянство в России, протестуя против советской политики военного коммунизма, не только не стало социальной опорой противников Советов — Белого движения, но и поддержало большевистскую власть в критические моменты Гражданской войны. В этом внешнем парадоксе проявилась своеобразная особенность крестьянского движения. Крестьянский вопрос в том виде, как он решался в правительствах Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля, создавал для крестьянства реальную угрозу реставрации прежней помещичьей власти, ликвидации результатов крестьянской революции 1917—1918 гг. Политика военного коммунизма, недовольство которой выражалось крестьянством в активных и пассивных формах протеста, воспринималось как «меньшее зло» в сравнении с главной для крестьянства опасностью — возможной реставрацией крепостнических порядков. К тому же аграрные приказы и мероприятия Белой власти, ориентированные, по модели столыпинской аграрной реформы, на зажиточного крестьянина, не могли удовлетворить интересы «осередняченной» после 1917 г. российской деревни.

Выявлены также другие определяющие факторы, порождавшие особенности крестьянского протеста в различных регионах страны. Показано, что основное противоречие было связано с земельным вопросом и продуктом крестьянского труда, но недовольство политикой военного коммунизма в крестьянской среде усиливалось антирелигиозной политикой Советского государства. Другой особенностью крестьянского протестного движения в России, особенно в национальных районах, являлось проявление интересов многонационального состава крестьянства. Национальный аспект нередко играл важную, но не определяющую роль, при-

чем, по оценке автора, в соотношении религиозного и национального аспектов религиозный оказался более весомым, чем национальный. Сочетание и одновременное проявление различных особенностей (земельных, продовольственных, религиозных, национальных, психологических и др.) во многих российских регионах создавало резонансный комплекс, придававший остроту и силу протестному движению.

В качестве значимой особенности крестьянского протеста определяется также участие крестьян в мятежных выступлениях в вооруженных силах Советской Республики. Об этом свидетельствовали сапожковщина, мироновщина, серовщина, григорьевщина и др. Однако наиболее ярким проявлением стало восстание в Кронштадте под красным флагом во имя «третьей революции трудящихся». Состоявшие преимущественно из крестьян, матросы Балтики и красноармейцы кронштадтского гарнизона выражали настроения крестьянской массы. Кронштадт отражал, как в зеркале, общее кризисное состояние в крестьянской стране. Главное крестьянское требование, выраженное в резолюции общего гарнизонного собрания кронштадтцев на Якорной площади 1 марта 1921 г., являлось призывом к Советскому правительству соблюдать обещания, провозглашенные в октябре 1917 г.: дать полное право крестьянам на землю, не используя наемный труд. Характерно, что основная часть программных требований мятежных кронштадтцев непосредственно касалась крестьянства.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме научных публикаций, выступлений на научных и научно—практических конференциях, участии в работе проблемной группы на кафедре истории МосГУ по теме «Советская модернизация». Книга обсуждалась на заседании кафедры истории Московского гуманитарного университета. В рамках научного проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации» авторы приняли участие в Международном круглом столе «Крестьянство и власть в истории России XX века», организованном по инициативе общенационального журнала «Власть» в Институте социологии РАН 12 ноября 2010 г.

Один из авторов работы выступил в качестве научного консультанта и эксперта в совместном российско-французском документальном фильме «Тамбовская Вандея», показанном на телеканале «Россия-1» (в качестве консультантов и экспертов данного часового фильма выступили также известные тамбовские специалисты В. В. Канищев и В. В. Самошкин).

Практическая значимость исследования. Книга вносит вклад в изучение крестьяноведения как части русистологии, способствует поиску оптимальных взаимоотношений социальных групп (народа) и власти (государства) в современной России.

Результаты исследования позволяют осмыслить феномен протестных явлений и разработать рекомендации для оптимизации государственной политики в условиях модернизационных преобразований в стране, преодоления конфликтных ситуаций и протестных настроений в обществе.

Материалы работы могут быть использованы в преподавании отечественной истории. Работа представляет интерес для научно—исследовательских организаций в области исследований по историческим и другим гуманитарным наукам. Изучение крестьянской тематики может быть востребовано общественными объединениями и государственными организациями, занимающимися крестьянским вопросом.

Структура книги состоит из Введения, пяти глав (16 параграфов), Заключения, Списка источников и литературы, Приложений. Собраны биографические данные об основных участниках изучаемых событий как со стороны Советского государства, так и со стороны крестьян—представителей протестного движения.

Глава I. Историографические, источниковедческие, теоретико-методологические аспекты исследования

1.1. Историография проблемы

Разработка важнейших сторон проблематики, составляющей предмет настоящего исследования, началась еще в российской дореволюционной науке. Представители *русской исторической школы* неоднозначно трактовали понятие народного протеста, в зависимости от их методологических и особенно мировоззренческих пристрастий. Как историк и гражданин, ориентированный на утверждение торжества государственных отношений, выдающийся российский историк Сергей Михайлович Соловьев с недоумением и возмущением констатировал, что современная для него русская мысль, недостаточно подкреплённая научным трудом, в исторических сочинениях выразила стремление показать «героев леса и степи, разбойников и казаков» народными героями, показать в их деятельности протест во имя народа против тягостей и неправды тогдашнего строя государственной жизни. Категорическое неприятие протестных явлений С. М. Соловьев определенно и пафосно выразил в следующих строках: «Протест! Мы привыкли к этому слову, оно легко для нас, как легко самое дело. Но в сущности, это дело не так легко, а потому и слово не должно употреблять легкомысленно; в сущности, в самой тесной связи с ним находятся слова: подвиг, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово вовсе нейдет к людям, которые покидали своих собратий в их подвиге, в их тяжелом труде и уходили, чтоб гулять и жить на чужой счет, на счет тяжкого труда своих собратий. Хорош протест во имя народа, во имя народных интересов, протест, состоящий в том, чтобы мешать народному труду, мешать труженикам трудиться и посредством труда улучшать свое положение! Хорош протест против неправды под знаменем лжи, под знаменем самозванства! Нет, все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались... Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем»².

Следует отметить, что С. М. Соловьев, несмотря на свое неприятие протеста как такового, отнюдь не призывал к применению насилия: «...Кровь не проливается даром, она вопиет. Пролитие крови очищает, как свободная жертва; оно осквернит, как дело насилия». По мнению Соловьева, насилие (страсть, гнев, мщение) должны сдерживаться религиозно-нравственными правилами, христианским уважением, любовью к ближнему, страхом Божиим для одних, страхом человеческим для других: «ум часто становится угодником страсти, он внушает гневному человеку, стремящемуся схватиться с врагом: действуй сильнее, истреби зло с корнем, вырежь, выжги, порази толпу ужасом, который бы отнял всякую способность к сопротивлению; тебе предстоит громадная деятельность для благородной цели; есть люди злонамеренные, которые будут ей противиться: истреби их, не оставляй врага в тылу у себя. И вот страсть, гнев получают новую пищу, получают оправдание»³.

Впервые в русской исторической школе системное изложение проблематики протестного движения, как явления социального (включая протестные настроения и протестные действия), изложил выдающийся теоретик русской исторической школы и основоположник «Ecole

² Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Сочинения: В 18 кн. Кн. 18. Работы разных лет. М., 1999. С.27—28.

³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 75.

Russe» («Русской школы») Николай Иванович Кареев в конце XIX – начале XX в. В его историологии (теории исторического процесса) нашло отражение осмысление проявления общественных конфликтов, социальных антагонизмов, в том числе в отношении сословий и других социальных групп в условиях гражданского противоборства, включая периоды гражданских войн.

Основные положения историологии Кареева сводятся к следующим заключениям. Социальное движение, происходящее в обществе или в его части, если оно ставит себе определенные цели, вызывается неудовлетворенностью чем-нибудь в существующем строе, в данном укладе жизни. Люди предпринимают те или другие действия для того, чтобы изменить то, что их не удовлетворяет, в желательном для них направлении. Чем больший круг людей тяготится существующим положением и от него страдает, тем напряженнее стремление и энергичнее происходящее движение. С другой стороны, если какое-либо преобразование является желательным в общественной жизни, то большее количество людей это осознает и в пользу этого действует. Данный уклад жизни может многих тяготить и этим вызывать против себя более или менее общее недовольство, вызывать брожение, порождать значительные вспышки протеста. Но даже несправедливый строй не подвергается серьезной опасности, если он внутренне устойчив, если у него есть стоящие на страже люди, существуют целесообразно действующая организация и крепкая дисциплина, есть материальные средства⁴. Борьба внутри общества, по Карееву, возникает на почве возникновения между борющимися силами какого-либо антагонизма. Антагонизм определяется как взаимоотношение двух сил, при котором каждая из них стремится произвести (или производить) действие (или действия) в противоположных, хотя бы и отчасти, направлениях. Когда с той или иной стороны присущее ей стремление переходит к действию и, как следствие, вызывает противодействие с другой стороны, то обе находящиеся в состоянии антагонизма силы вступают в состояние борьбы.

По мнению Кареева, теория экономического материализма выявила существенный недостаток, сводя всякую социальную борьбу к антагонизму экономических классов: кроме такого антагонизма, история имеет дело еще с разными категориями антагонизмов, без признания которых нельзя объяснить подобные явления: религиозные, национальные особенности, культурный консерватизм (традиционализм) и др. Людей разделяют между собой не только материальные интересы. В обществе могут бороться социальные классы не только на почве экономических интересов, но и интересов этнических, конфессиональных, партийных⁵.

Во взаимном поведении отдельных лиц, общественных групп антагонизмы играют столь важную роль, что весь событийный процесс истории получает в значительной мере характер взаимодействия противоборствующих сил. Действия в «несогласных направлениях» бывают либо индивидуальными, либо массовыми выступлениями, а в случаях последнего рода либо разрозненными, либо совокупными (коллективными), причем среди коллективных различаются неорганизованные выступления и выступления организованные. Коллективные действия могут быть организованными, как это наблюдается во всех случаях, когда между известным количеством людей существует постоянная связь. Когда начинается борьба на основе общих интересов, она сближает между собой людей, имеющих эти одинаковые интересы. На почве общих интересов люди легко сближаются между собой и в борьбе действуют коллективно. Но нередко коллективный характер приобретают массовые явления тогда, когда люди действуют стихийно, «скопом»: такой характер имеют действия случайно собравшейся толпы⁶.

Стихийная толпа образуется случайно из людей, одержимых одним и тем же чувством, причем отдельные лица в толпе взаимно заражаются данным чувством, и каждая отдельная

⁴ См.: Кареев Н. И. Историология: Теория исторического процесса. М., 2011. С. 229—230.

⁵ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 200, 204—205.

⁶ См. там же. С. 201, 203.

личность утрачивает свою волю и действует под влиянием своего рода внушения со стороны того, кто объявит общий лозунг для действия и сделается «героем» этой толпы. После совершения какого-либо действия толпа рассеивается, то есть распадается на составные части, отдельные человеческие единицы. Образованию толпы может предшествовать агитация, в ней возникает своя команда – такие сборы могут часто повторяться, в них участвуют каждый раз одни и те же лица, но все-таки это кратковременные соединения отдельных единиц, неустойчивые и быстро распадающиеся. Такие случайные по своему составу, но не случайные в своем происхождении социальные группы, с более или менее резким боевым характером, играют особенно важную роль в революционные эпохи, времена повышенного настроения масс, и характеризуются своей стихийностью и анархичностью. От выступлений организованных сил эти коллективные действия отличаются своей внезапностью, стихийным характером, кратковременностью и тем, что они возникают и играют более или менее важную роль в историческом процессе только в исключительные периоды жестокой общественной борьбы, когда народная психика выходит из своего обычного равновесия. В такой форме народ в лице своих случайных представителей вообще редко вмешивается в ход событий. Такие выступления знаменуют, что общественная жизнь испытывает кризис, что социальная борьба становится особенно напряженной и готова перейти в настоящую гражданскую войну. Анархия может на некоторое время овладеть целой страной, но всегда среди анархии наблюдаются попытки организации стихийного движения для направления его к определенной цели. Далеко, однако, не всегда это удается подобным стихийным, анархическим движениям: те силы, против которых борются случайные коллективные выступления, обыкновенно, наоборот, организованы, и это им дает перевес в борьбе. В качестве организованных сил выступают государство со своими органами власти и военными силами, общественные союзы, политические партии⁷.

Каковы бы ни были в своих проявлениях существующие в обществе антагонизмы и возникающие на их почве конфликты (восстания, бунты), они всегда проявляются в настроениях и действиях отдельных людей. Настроения и действия имеют разное значение для самого хода борьбы и для ее результата. Борьба социальных сил, в особенности сил организованных, предполагает появление вождей, которым вручается или которые сами берут на себя руководство в борьбе, направляют действие борющихся сил и руководят действиями членов группы, участвующих в борьбе. Иногда такие вожди непосредственно используют социальную силу. Такого личностного характера было много особенно в истории гражданских войн. Личная воля и личное понимание вождей вели к достижению каких-либо результатов, которые могли быть социально желательными. В оценке роли вождей в борьбе социальных сил Кареев отвергал как взгляд, по которому все в борьбе зависит от вождей, так и противоположное мнение, будто борьба происходит исключительно сама собой, стихийно, ведется «всеми». По его заключению, социальные антагонизмы следует воспринимать как протестные настроения, а все случаи борьбы социальных сил – как протестные выступления (в терминологии Кареева термин «протестный» является фактически синонимом термина «враждебный»). Протестные настроения, с одной стороны, могут возникать сами собой, стихийно, в силу комплекса причин, с другой, – могут порождаться искусственно или, по крайней мере, преднамеренно усиливаться, раздвигаться, обостряться отдельными людьми или общественными группами, которым по тем или иным соображениям это необходимо. Общественные настроения создаются нередко совершенно стихийно, как следствие причин, способных вызывать те или иные мысли, чувства и стремления людей. Но в порождении общественных настроений определяющую роль играют преднамеренные усилия отдельных лиц или социальных групп, когда им необходимо общественное содействие в их борьбе с враждебными лицами, с враждебными группами⁸.

⁷ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 203—206.

⁸ См. там же. С. 206—207.

Важно отметить, что при появлении какого-либо антагонизма существует только возможность конфликта, отнюдь не его неизбежность. Власть имущие в состоянии своей деятельностью сдерживать общественные порывы, с большим или меньшим успехом бороться с ними, но могут, и наоборот, искусственно доводить до конфликтов такие антагонизмы, которые сами собой из области протестных настроений не перешли бы в область протестных действий. Чем более социальная группа внутренне организована, чем более ее члены дисциплинированы, тем в меньшей степени превращение антагонистического состояния в активную борьбу может быть результатом каких-либо анархических выступлений, тем более зависит это от воли отдельных или коллективных вождей, даже если эта воля проявляет себя определенным образом под давлением общественного мнения. Преданные делу вожди могут различаться между собой по реальности или, наоборот, фантастичности своих целей, осуществлять которые они увлекают других, а также по степени эффективности (или даже непригодности) используемых ими средств. Вследствие разного понимания целей или средств их реализации, нередко возникают антагонизмы и происходит борьба между самими вождями общественного движения, при этом к принципиальным разногласиям примешиваются мотивы тщеславия, честолюбия, властолюбия или просто самосохранения, то есть мотивы личного характера. Личная борьба за влияние, за властное положение играет значительную роль в конфликтах, имеющих общественный характер. Изучая общественные конфликты, нельзя не учитывать значимости индивидуальных сил, в которой содействие общественных сил является только средством для личной победы. Последняя может и не быть одержана, и тогда из-за личного пострадает коллектив, как и достижение победы в авантюре личного характера далеко не равнозначно достижению общественных целей⁹.

Общественные силы направлены на достижение целей только одной его части, то есть какой-либо группы (например, сословия, партии). Довольно многочисленные категории социальных сил могут принимать участие в борьбе без ясного понимания ее настоящих мотивов и задач, в качестве орудий в достижении целей, этим категориям посторонних и даже совсем неведомых. Полное или хотя бы частичное осознание стремлений, проявляющихся в ходе борьбы, не является признаком, характеризующим участие в борьбе многих категорий социальных сил. Порой стихийное движение совершается во имя цели, всеми более или менее одинаково и ясно понимаемой (цель может быть реальной или утопической). Но иногда участие в организованной борьбе отличается характером пассивного орудия в руках тех, которые знают, чего они хотят, а участники лишены всякой осведомленности о том, куда их ведут. Кареев предупреждал: научному пониманию исторического процесса противоречат безосновательные доводы в пользу верности некоего народного инстинкта, безошибочности безотчетных стремлений народных масс, какого-то бессознательного разума, присущего массовым выступлениям.

Не только в постановке задач, осуществляемых посредством борьбы, но и в выборе способов их решения, средств, ведущих к желаемой цели, проявляются намерения, склонности и способности отдельных лиц или групп, стоящих во главе социальных сил. Как обеспечить жизненные интересы социальной или политической группы (государства, сословия, партии), как одержать победу над противником, — все это дело особых органов данного коллектива; все это задачи, требующие специальных знаний и особых способностей, обладание которыми представляет собой один из шансов победы, наряду с другими условиями: внутренними качествами самих коллективов (сознательного отношения к делу, верности долгу, стойкости в достижении поставленных целей и др.). Индивидуальные качества вождей, которые проявляются в переговорах, в ведении военных действий, в борьбе политических партий, содействуют достижению победы, когда эти качества соответствуют уровню выполняемых задач; ведут к поражению,

⁹ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 207—208.

когда, наоборот, не соответствуют тому, что в данном положении требуется от людей, ответственных за дело. Победа одних и поражение других сопровождаются более или менее крупными переменами в прежнем историческом состоянии, в прежнем соотношении общественных сил: нарушается обычное течение жизни, и после победы одних и поражения других жизнь начинает течь по новому руслу¹⁰.

Общественные элементы, участвующие в движении, могут расходиться между собой в понимании конечных целей, но объединиться в борьбе с общим врагом. Они могут расходиться также по отношению к способам борьбы, что тоже порой не мешает их совместному действию. Индивидуум, подчинившийся какому-либо направлению, может разочароваться в надеждах, какие на него возлагал, и поэтому отвернуться от этого направления и даже ему изменить, если из данного направления происходят непредвиденные последствия для него, неприятные и нежелательные, поэтому оказаться во враждебном отношении к тому, что сам прежде защищал. В индивидуальной и в общественной жизни существуют противоположные интересы и стремления, приходящие в столкновение между собой. В индивидуальной жизни один мотив может заставить человека идти по одной дороге, но если она приводит его туда, куда он не желал бы попасть по другому мотиву, а последний мотив окажется более сильным, человек повернет назад.

Общественная группа ставит определенную цель. Неудачи на пути ее достижения ослабляют движение, делая его участников менее уверенными и энергичными. Целые группы могут отступать назад, если их движение угрожает нарушению их интересов. Кареев определил два источника, очень часто ослаблявшие многие исторические движения: разочарование одних, когда их надежды, часто преувеличенные, оказываются не осуществившимися; и опасения других, когда они видят, что их союзники идут дальше того, чего они сами допускали¹¹.

Изложенные положения Н. И. Кареева о феномене народного протеста свидетельствуют, что в дореволюционный период данная проблематика была детально разработана в научной исторической литературе.

В настоящее время имеется довольно значительный объем литературы, в которой нашла отражение история крестьянского протестного движения в России в послереволюционные годы. Однако эта литература создавалась в разное время, отличавшееся политико-идеологическими условиями научной деятельности, различными методологическими позициями. Как следствие, в публикациях существует много не только не совпадающих, но даже и прямо противоположных точек зрения.

В развитии советской историографии по изучаемой теме можно выделить несколько этапов. *Первый этап* начался сразу же после рассматриваемых событий и продолжался до начала 1930-х гг. Изучение проходило по горячим следам. Проблема освещалась в основном в рамках истории Гражданской войны в целом или становлением Советской власти. Многие авторы являлись непосредственными участниками тех событий¹². Нарком по военным делам Украины Н. И. Подвойский в 1919 г. констатировал: «Повстанцы искренне мнили себя большевиками, но их большевизм легче укладывался в рамки анархического партизанства... и разбойничьего бандитизма... чем в рамки организованной государственной диктатуры пролетариата. Этим объясняется парадоксальный и странный на первый взгляд факт, что те же уезды, которые были главной опорой... Советской власти против Петлюры, превратились впоследствии в пита-

¹⁰ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 211—212.

¹¹ См. там же. С. 230—234.

¹² См.: Лацис М. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; Егоров А. И. Разгром Деникина в 1919 г. М., 1923; Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917—1920 гг. Л., 1925; Антонов-Овсеев В. А. Записки о гражданской войне. В 2-х т. Л., 1924—1928; Какурин Н. Е. Как сражалась революция. В 2-х т. Т. 1. 1917—1918 гг. М., 1925; Т. 2. 1919—1920. М., 1926; Его же. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. М., 1922. №1; Кронштадтский мятеж. Сб. статей, воспоминаний и документов. Л., 1931 и др.

тельную базу для банд, оперирующих против Советской власти. Повстанцам чужды были... социальные идеалы пролетарской диктатуры»¹³.

Историк М. Н. Покровский отмечал, что «в 1921 году центр РСФСР был охвачен почти сплошным кольцом крестьянских восстаний»¹⁴. М. И. Кубанин подчеркивал, что крестьянские выступления стали следствием политики государства. Он отмечал отсутствие социальной опоры у Советской власти в деревне «Враждебное отношение» со стороны крестьянства стало основанием для карательных действий Советского государства по отношению к деревне, к своим потенциальным союзникам¹⁵.

Один из авторов, знаменитый советский военачальник М. Н. Тухачевский оставил труд, обобщавший опыт борьбы Красной Армии с крестьянскими восстаниями (Тухачевский осуществлял военное руководство подавлением крестьянского восстания, получившего в литературе наименование «антоновщины»). На опыте подавления «контрреволюционного» крестьянского восстания в Тамбовской губернии Тухачевский моделировал схему «искоренения типичного бандитизма». Автор видел глубокую почвенность крестьянской борьбы, оценивая «тамбовский бандитизм» как крестьянское восстание, вызванное продовольственной политикой. В руководителе движения он увидел одаренного организатора и командира. По оценке автора, борьбу приходилось вести в основном не с бандитами, а со всем местным населением, и это были не бои и операции, а целая война. Тухачевский понимал, что справиться с народным движением, всемерно помогающим своим партизанским отрядам и недоброжелательно относящимся к Красной Армии, можно было не уничтожением «банд», а восстановлением доверия народа, новой советизацией деревни и изменением экономической политики. «Без фактического осуществления нами на месте новой экономической политики, без привлечения крестьянства на сторону советской власти нам никогда не удалось бы полностью ликвидировать восстания. Это является основой борьбы», — признавал Тухачевский. Крестьянское повстанческое движение «не может быть в корне ликвидировано, если рабочий класс не сумеет с крестьянством договориться, не сумеет крестьянство направить так, чтобы интересы крестьянства не нарушались социалистическим строительством государства»¹⁶.

Крупный советский военный специалист Н. Е. Какурин в феврале 1922 г. подчеркивал, что «бандитизм — следствие целого ряда причин, а борясь со следствием, не затрагивая причин, мы рискуем всю нашу борьбу вести впустую»¹⁷. Как кадровый офицер, ставший красным командиром, Какурин являлся очевидцем и участником событий периода Гражданской войны: был командармом, помощником командующего армиями Западного фронта М. Н. Тухачевского, а затем принимал участие в подавлении антоновщины в качестве начальника оперативного штаба советских войск под руководством Тухачевского. Двухтомник Какурина, изданный в 1925—1926 гг., долгие годы хранился в спецхране. Его книга, написанная точным и детальным языком военного человека, имеет важное значение для понимания таких социальных явлений, как махновщина и григорьевщина на Украине, антоновщина на Тамбовщине, движение «зеленых». Помимо этого, свидетельства и оценки Какурина дают объяснение причины отчуждения крестьянства от Белого движения. Для этого автору диссертации пригодилась

¹³ Подвойский Н. И. На Украине. Статьи. Киев, 1919. С. 16, 18.

¹⁴ Покровский М. Н. Контрреволюция за четыре года. М., 1922. С. 4.

¹⁵ См.: Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военный коммунизм) // На аграрном фронте. 1926. №1. С. 38, 44).

¹⁶ См.: Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение типичного бандитизма (Тамбовское восстание) // Война и революция. 1926. №7. С. 3—17; №8. С. 3—15; №9. С. 3—16; №17. С. 9—13.

¹⁷ Какурин Н. Е. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. Кн. 1. М., 1922. С. 83.

осведомленность и кропотливость начштаба в анализе программных документов и результатов деятельности правительств Колчака, Деникина, Врангеля в отношении аграрной политики¹⁸.

Секретарь ЦК РКП (б) Е. М. Ярославский, а также руководитель полномочного представительства ВЧК по Сибири И. П. Павлуновский, имевшие отношение к ликвидации другого крупнейшего крестьянского восстания – в Западной Сибири в 1921 г., главную роль в организации восстания отводили деятельности Сибирского крестьянского союза, называвшегося ими детищем партии эсеров¹⁹.

Для 1920-х гг. характерно отсутствие общего методологического подхода в отношении протестных явлений в крестьянской среде, в оборот вводилось большое количество источников, зачастую без какого-либо критического анализа. В результате одновременно существовали различные точки зрения о характере крестьянских восстаний и крестьянского протеста против Советского государства. Так, относительно причин Западно-Сибирского восстания имелись серьезные разногласия в трактовке ключевых вопросов. Один из них – о роли Сибирского крестьянского союза. Еще в начале 1920-х гг. особую позицию по этому поводу сформулировал П. Е. Померанцев. Профессиональный историк и коммунист, работавший в годы Гражданской войны сначала сотрудником Реввоенсовета 5-й армии, а затем начальником историко-информационного отделения штаба помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири, Померанцев имел доступ практически ко всей военно-оперативной информации, за исключением части чекистской, поэтому хорошо представлял предысторию и ход мятежа. На основании имевшихся в его распоряжении источников он пришел к заключению, что Сибирский крестьянский союз не оказал сколько-нибудь существенного воздействия на возникновение Западно-Сибирского восстания, поскольку сам находился в стадии становления. По мнению Померанцева, Союз не являлся массовой крестьянской организацией, так как крестьянство оставалось лишь «объектом его провокации»²⁰. Данная точка зрения противоречила позиции Е. М. Ярославского и И. П. Павлуновского. Другой вопрос, вызвавший разногласия, – это истоки и природа недовольства сибирских крестьян накануне восстания. Померанцев считал восстания 1920 г. – начала 1921 г. в Сибири анархическим протестом всего крестьянства против политики военного коммунизма. Павлуновский видел в Западно-Сибирском восстании проявление нового – мелкобуржуазного типа контрреволюции, возникшего после разгрома главных вооруженных сил белогвардейцев. По вопросу о социальном составе участников Западно-Сибирского восстания существовал большой разброс мнений: от «чисто крестьянского» (Померанцев, Павлуновский) до «чисто белогвардейско-кулацкого»²¹, а между ними – различные комбинации из социально-политических сил.

В работе Н. В. Гурьева, посвященной «чапанной войне» в Поволжье, были использованы документы, созданные в крестьянской среде и характеризующие лозунги и программу крестьян-повстанцев – участников «чапанки»²². Некоторые авторы говорили о крестьянских восстаниях в Советской России как о новом витке гражданской войны между бывшими союзниками – пролетариатом и крестьянством²³. Одновременно многие исследователи делали вывод

¹⁸ См.: Какурин Н. Е. Как сражалась революция. 2-е изд. М., 1990. Т. 1. 1917—1918 гг. С. 52, 78, 81—82, 92, 93, 97—104; Т. 2. 1919—1920 гг. С. 332.

¹⁹ См.: Ярославский Е. О крестьянском союзе // Вестник агитации и пропаганды. М., 1921. №11—12; Павлуновский И. Сибирский крестьянский союз // Сибирские огни. Новониколаевск, 1922. №2; Его же. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г. Новониколаевск, 1922.

²⁰ Померанцев П. Западно-Сибирское восстание 1921 г. // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1922, №2. С. 40.

²¹ Хейфец К. Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история Нарымско-Сургутского бандитизма) // Былое Сибири. Томск, 1923, №2; Сидоров П. Курганское восстание в январе 1921 г. (по личным воспоминаниям) // Пролетарская революция. М., 1926, №6; См. также: Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 137—175.

²² См.: Гурьев Н. В. Чапанная война. Сызрань, 1924.

²³ См.: Казаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. №9.

о «бандитском» характере повстанческого движения. Термину «бандитизм», несущего в себе однозначно негативную оценку всех сил, участвовавших в «малой» гражданской войне, как правило, отдавали предпочтение в ряду с терминами «повстанчество», «бело-зеленое движение», «кулацкие восстания», «контрреволюционные мятежи», «мелкобуржуазная контрреволюция». Лингвистическое окончание *-щина* в период создания различных мифологем было призвано сформировать негативно—обличительное содержание явления в общественном мнении. Так появились махновщина, мироновщина, сапожковщина, серовщина и др. В подобном контексте причастные к указанным явлениям становились бандитами, народные восстания — кулацкими и белогвардейскими.

Некоторые аспекты истории крестьянского протеста против Советского государства получили в указанный период довольно подробное освещение²⁴. Большое количество работ, многие из которых написаны участниками рассматриваемых событий, было посвящено военным действиям против повстанцев. В этот период появились оценочные суждения о социальном составе, уровне организованности и массовости выступлений. Формы крестьянского протеста нередко рассматривались в контексте более общих проблем. В работах содержалось множество фактического материала, с помощью которого нетрудно было разрушить миф об эсеров-бандитском характере крестьянских восстаний. Впоследствии многие из трактовок и выводов, которые появились в это время, были отвергнуты советской исторической наукой.

В 1920-е гг. появилось множество публикаций о махновщине, формировавших в общественном сознании устойчивый негативный образ крестьянского движения и его руководителя Нестора Махно. В литературе он изображался вожаком «анархо-кулацких банд», занимавшихся грабежами и насилием над мирным населением, олицетворялся проявлением политического и уголовного бандитизма. Махновское движение клеймилось как контрреволюционное и антисоветское наряду с антоновщиной и другими протестными крестьянскими явлениями на территории Советской России²⁵. Однако в общем идеологизированном ряду были исключения. Так, В. А. Антонов-Овсеенко, большевик, активный участник Октябрьской революции (именно он командовал штурмом Зимнего дворца, арестовал членов Временного правительства) командующий Украинским фронтом, в своих мемуарах счел необходимым отметить неординарность личности и военного таланта Махно²⁶. Монография М. И. Кубанина «Махновщина», вышедшая в годы нэпа, содержала богатый и достоверный материал о причинах и масштабах махновского движения на Украине. Автор показал, что в основе повстанчества позднего периода было недовольство украинских крестьян «военно-коммунистической политикой» большевиков, а само махновское движение не было «кулацким», поскольку затронуло широкие массы крестьянства. По оценке автора, крестьянство стало объектом реквизиционной политики менявшихся властей, в том числе большевистских. Крестьянское сопротивление возникло как ответная мера, активистами в котором оказались «беднейшие слои», что придавало движению пролетарский характер. В этой борьбе участвовали разные слои крестьянства, а ударной силой было среднее крестьянство, то есть крестьянское большинство. Характерной чертой махновщины, подмеченной М. Кубаниным, были тесная связь махновского района с Россией и русскими, а также отсутствие в данном районе антисемитизма²⁷.

С. 34—35.

²⁴ См.: Калинин И. М. Русская Вандея. М.—Л., 1926; Парфенов П. С. Борьба за Дальний Восток. 1920—1922. Л., 1928, и др.

²⁵ См.: Волков С. Е. Банда Махно в Курской губернии. Курск, 1929; Герасименко Н. Батько Махно: Мемуары белогвардейца. М.; Л., 1929; Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928; Горев Б. И. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930).

²⁶ См.: Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 1—4. М.; Л., 1930—1933.

²⁷ См.: Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в Степной Украине в годы гражданской войны. Л., 1927.

В своих публикациях, изданных в эмиграции, Н. Махно опровергал обвинения большевиков в контрреволюционности, национализме и антисемитизме. Он утверждал тезис о служении революции, осуществлении идеи самоуправления народа, защите крестьянских интересов²⁸. Защитником махновского движения выступал его активный участник П. А. Аршинов (Марин), опубликовавший в эмиграции ряд публикаций. Однако бывший идейный наставник Махно явно идеализировал махновское движение и преувеличивал влияние на него со стороны анархизма²⁹.

Со второй половины 1920-х гг. в советской историографии наметилась тенденция идеологического контроля и цензуры за трактовкой периода Гражданской войны в удобном для большевистской власти русле.

В 1920-е гг. история крестьянского движения освещалась в эмигрантской литературе. Работы эмигрантских исследователей характеризовались видением событий Гражданской войны, отличным от советских трактовок, иной методологической основой и набором используемых исторических источников. Исследователи в эмиграции были ограничены в возможностях использования документального материала: в основном на основе воспоминаний и того, что было вывезено из страны, материалов из советской литературы. Многие работы подготовлены непосредственными очевидцами событий Гражданской войны — эмигрантами первой волны. Авторы трактовали события в Советской России с антикоммунистических, антисоветских позиций³⁰. Эмигрантские исследователи находились в менее жестких идеологических рамках. Большинство из них, однако, не могли взглянуть на события периода Гражданской войны беспристрастно.

Среди эмигрантской литературы особняком выделялись публикации русского историка Г. П. Федотова. Его взгляд из Парижа на состояние крестьянства в Советской России отличался непредвзятостью и проницательностью исследователя. Григорий Петрович Федотов был сам непосредственным свидетелем и очевидцем социальных изменений в новой России: воспитанник историко-филологического факультета Петербургского университета, преподаватель кафедры средневековой истории, издатель, после заболевания сыпным тифом в 1920 г. уехал в Саратов, где работал на кафедре средних веков Саратовского университета до конца 1922 г. Он на собственном опыте познал жизнь в условиях политики военного коммунизма и начала нэпа в ключевых центрах страны — Петрограде и Поволжье, пережил голод 1921—1922 гг. В 1922 г. Федотов вернулся в Петроград, а в 1925 г. уехал за границу, волею судьбы избежав трагической участи своих товарищей по христианскому кружку. Публицистические работы русского историка, профессора Богословского института в Париже в эмигрантских журналах стали заметным явлением в среде Русского Зарубежья: он получил славу «первого публициста в эмиграции», «нового Герцена». В эмиграции Федотов был убежденным антибольшевиком, но его взгляды не совпадали ни с одной эмигрантской группировкой, отличаясь неким «советским» отпечатком, проявившимся в подходе к социально-политическим проблемам в большевистской России. Характерной является его статья «Новая Россия», опубликованная в эмигрантском журнале «Современные записки» в 1930 г., которая вошла в книгу Г. П. Федотова под примечательным названием «*И есть, и будет (Размышления о России и революции)*. Париж, YMCA-PRESS, 1932». Федотов не идеализировал послереволюционное крестьянство: он подчеркивал, что «выкурив помещика, вооруженное винтовками и пулеметами, крестьянство одно время воображало, что оно с такой же легкостью может уничтожить и город, и госу-

²⁸ См.: Махно Н. И. Русская революция на Украине (от марта 1917 г. по апрель 1918 г.). Кн. 1. Париж, 1929; Его же. Махновщина и ее вчерашние союзники — большевики: Ответ на книгу М. Кубанина «Махновщина». Париж, 1928.

²⁹ См.: Аршинов П. История махновского движения (1918—1921). Берлин, 1923. Современное издание данной книги: Аршинов П. А. История махновского движения (1918—1921). Запорожье, 1995.

³⁰ См.: Крестьянская Россия. Вып. I—IX. Прага, 1922—1929; Рысс П. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921. С. 250.

дарство. Прекратив уплату податей, уклоняясь от мобилизаций, оно с злорадством смотрело на толпы нищих мешочников, которые посылал к нему голодающий город... мужик вернулся к натуральному хозяйству, обеспечивающему его независимость от города... Это благополучие оказалось непрочным. Вооруженные отряды, отбиравшие „излишки“, декреты, приводившие к сокращению посевной площади, голод и людоедство в Поволжье и в Крыму – все это слишком памятно»³¹.

По оценке Федотова, крестьянство в Советском государстве по-прежнему осталось в основании социальной пирамиды: производящим, кормящим, поддерживающим атлантом. Но это уже не прежнее дореволюционное, не униженное сословие. Политическое бесправие и даже экономическая эксплуатация деревни городом не в силах парализовать социальный подъем в крестьянской среде. Подъем этот, по Федотову, заключался в невесомом, но огромной важности факте: в социальном самосознании. В деревне, освобожденной от помещика, проснулся небывалый голод к труду. Крестьянин словно впервые почувствовал себя хозяином на своей земле: он жадно слушал агронома, бросался на технические новинки, которые еще недавно его пугали. Он рассчитывал, строил планы – и убеждался, что в условиях фискальной государственной системы самое умное – скосить свой хлеб на сено. Но при малейшей передышке он показывал свою силу. Среди старшего поколения три миллиона побывавших в немецком плену вернулись энтузиастами технического прогресса. Остальные – посидевшие в окопах или, по крайней мере, в казармах, исходившие Россию из конца в конец, целые годы питавшиеся газетой и опиумом митинговых речей, – они уже никак не походили на патриархальный тип русского Микулы. Многие брились и носили городской пиджак. Большинство, разуверившееся в новых фетишах, не вернулось и к старым святыням. Мужик стал рационалистом. Он понимал русский литературный язык и правильно употреблял множество иностранных слов. Конечно, это был скудный язык газеты, но вместе с ним в крестьянскую голову входили газетные идеи. Обычный здравый смысл крестьянина предостерегает его еще от прямолинейного решения текущих вопросов жизни. Он стал превосходно разбираться в экономических вопросах, столь запутанных в Советской России. Крестьянин заглянул и в «лабораторию власти», которая утратила для него священное обаяние³².

Программно позиционируя себя в качестве выразителя и созидателя особого «пореволюционного сознания», Г. П. Федотов распространил свой взгляд на крестьянство Советской России. Отношение крестьянина к Советскому государству, по его мнению, весьма непростое. Мужик уже не склонен ломать шапки перед начальством. Как ни быют деревню, она не забита. Мужик боится вооруженной силы, пока сам безоружен. Власть может расстрелять десяток-другой из деревенских «кулаков», может спалить все село в случае восстания. Но когда она является в деревню без военного сопровождения, ее может встретить враждебное настроение. Проезжего комиссара всегда могут «обложить» в совете, да и в уездном городе мужик не очень стесняется с начальником: свой брат. Реально оценивая ситуацию в советской деревне, Федотов отмечал: «Нельзя безнаказанно чуть не каждую неделю собирать людей, обращаться к ним как к свободным и властным хозяевам земли, представлять им фиктивные отчеты по всем статьям внутренней и внешней политики. Крестьянин уже поверил в то, что серп и молот должны править Россией, что он хозяин русской земли по праву. А если в жизни он по-прежнему обижен, он знает, что наследники Ленина его обманывают, как прежде царские министры. Ненавидя коммунистов, он не унижается перед ними. Впрочем, и ненависть его к коммунистам лишена классового характера. Она смягчается сознанием, что в новом правящем слое все свои люди. Правда, в деревне процент коммунистов совершенно ничтожен. Но трудно представить современную крестьянскую семью, у которой не было бы родственника в городе

³¹ Федотов Г. П. Новая Россия // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2-х т. Т.1. СПб.: София, 1991. С. 197—198.

³² См.: Федотов Г. П. Указ. соч. С. 197—198.

на видном посту: командира Красной Армии или судьи, агента ГПУ, или по крайней мере студента. Поругивая молодежь, делающую карьеру, старики все же гордятся ею. Да, наконец, и сами партийцы ругают власть. Деревня знает, как много в партии „редисок“: иные и в коммунисты пошли, чтобы лучше тянуть семью или служить своей деревне в сельсовете. И деревенский террор вовсе не целит в коммунистов как таковых: зачастую он направляется рукою коммуниста. Деревня сейчас, вопреки разговорам о „кулаках“, представляет небывалое единство в экономическом отношении. Но всегда находится один или несколько паразитов, желающих устроиться на чужой счет: будут ли они называться кулаками, бедняками или колхозниками, председателями или селькорами, это не важно. На них-то и сосредоточивается ненависть деревни. Несмотря на просачивающиеся кое-где требования легализации крестьянской партии, едва ли деревня имеет определенный политический идеал. Бесспорно, выросла ее политическая независимость, но трудно сказать, насколько выросло ее государственное сознание со времени анархического угара 1917—1919 годов»³³.

На *втором этапе развития советской историографии* изучаемой темы, который охватывает 1930-е – первую половину 1950-х гг., происходила унификация оценок как в отношении Гражданской войны в целом, так и в отношении взаимоотношений государства и крестьянства. Следование установкам канонического Краткого курса «Истории ВКП (б)», изданного в 1938 г., предопределило в дальнейшем изначальную предопределенность стандарта для работы исследователей³⁴: крестьянские восстания в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии (антоновщина) квалифицировались как кулацкие мятежи, организованные белогвардейцами и эсерами³⁵. Тема народного сопротивления политике власти после революции 1917 г., в том числе протестных явлений в крестьянской среде, оказалась закрытой.

Крестьянство рассматривалось как объект политики партии в деревне. Именно в 1930-е гг. в литературе прочно установилось обозначение крестьянских выступлений как «кулацких восстаний». Их возникновение связывалось с деятельностью контрреволюционных организаций, партий эсеров и меньшевиков, империалистических разведок и деятелей церкви. Крестьянские восстания на территории, контролировавшейся Советской властью, назывались кулацкими, а на территории «белых» – собственно крестьянскими восстаниями и партизанским движением. Многие работы этого периода были идеологизированы, исследовательские подходы страдали односторонностью и тенденциозностью. Изучение проблем диктовались политическими установками, исходившими от высших партийных и государственных структур. Сама Гражданская война представлялась тогда как средство для создания морального престижа достижений большевиков и советского строя, искоренения буржуазной идеологии в сознании людей, создания легенды в глазах будущих потомков и мирового общественного мнения. Для достижения этой цели допускались грубые искажения и откровенная фальсификация фактов.

В западной историографии в указанный период единственный обобщающий труд был представлен двухтомником британского журналиста и историка Уильяма Генри Чемберлина «Русская революция» (второй том посвящен послеоктябрьскому периоду)³⁶.

³³ См.: Федотов Г. П. Указ. соч. С. 199.

³⁴ См.: История гражданской войны в СССР. 1917—1922 гг.: В 5 т. М., 1935—1960; Буйский А. Красная Армия на внутреннем фронте: Борьба с белогвардейцами и кулацкими восстаниями. М., 1931; Михалев Г. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1941; Игнатьев В. Л. О политике партии по отношению к крестьянству в первые годы Советской власти. М., 1948.

³⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. М., 1938. Глава IX. Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 годы) [Электронный ресурс]. URL: [битая ссылка] http://www.lib.ru/DIALEKTIKA/kg_vkpb.txt (дата обращения: 25.10.2011).

³⁶ Chamberlin W. The Russian Revolution, 1917—1921. Vol.1—2. New York, 1935.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. советские историки обратились к изучению феномена крестьянских войн в истории России. Установившаяся классификация трех крестьянских войн (начала XVII в., 1670—1671 гг. и 1773—1775 гг.) основывалась на «марксистско-ленинской характеристике крестьянских войн феодально-крепостнической эпохи». Считалось важным изучение социальных причин крестьянских войн. Отрицалась ассоциация крестьянской войны с бунтом. Главным вопросом крестьянского движения определялась борьба крестьян за землю. Классовая борьба в условиях феодализма рассматривалась как движущая сила крестьянских восстаний, в которых выражался стихийный протест крестьянства, в т.ч. против политики государства, а также в многочисленных местных, неорганизованных, стихийных выступлениях и волнениях крестьян. Отмечалось разнообразие форм и методов крестьянской борьбы, включая вооруженное сопротивление. Признавалась прогрессивность крестьянского движения, его большое историческое значение, в то же время подчеркивалась слабость движения, выраженная в раздробленности и локальности³⁷.

Третий этап советской историографии охватывает вторую половину 1950-х – середину 1980-х гг. Результатом «оттепели» в истории советского общества, начавшейся во второй половине 1950-х гг., стало то, что историки получили возможность разрабатывать многие проблемы, не получавшие освещения в предшествующие десятилетия. Заметный след в дискуссионной проблематике оставило обсуждение в журнале «Вопросы истории» в 1958—1961 гг. проблемы крестьянской войны в истории России. В этой дискуссии главным был вопрос о понятии «крестьянская война» как наиболее острой формы классового противоборства в период феодализма. Рассматривались также движущие силы (крестьянство, казачество, национальные меньшинства России), характер войн, их направленность, исторические результаты, воздействие на ход исторического процесса, в том числе на эволюцию феодализма. Речь шла и об аналогиях между движениями И. Болотникова, С. Разина, Е. Пугачева, Д. Булавина и крестьянскими войнами на Западе, в первую очередь, с крестьянской войной в Германии первой четверти XVI в., которой посвятил свою работу Ф. Энгельс. Проблема крестьянских войн решалась в контексте формационного развития страны, их влияния на эволюцию феодализма, воплощения в них новых буржуазных отношений. Такой подход значительно сужал представление о масштабном явлении в истории России, не позволял выявить всю сложность, противоречивость крестьянских выступлений³⁸.

Дискуссия началась в 1958 г. после публикации в №3 журнала «Вопросы истории» статьи А. А. Зимина «Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в.». В ходе обсуждения понятия и характерных черт первой крестьянской войны в истории России, ее особенностей участники дискуссии высказали утверждение, что мощное крестьянское протестное движение, охватившее всю территорию страны, поставило под вопрос существование самого государства. Крестьянская война оценивалась как война гражданская, разновидность гражданской войны, одновременно – форма классовой борьбы эпохи феодализма: социальная группа (крестьянство) открыто противопоставила себя государству в целом.

В числе признаков крестьянской войны назывались: охват крестьянским протестным движением значительной территории, который не сводился только к географическому аспекту, – произошел раскол населения страны на противоборствующие лагеря – правительственный и повстанческий; наличие повстанческой армии и сражения с правительственными войсками; борьба за власть и против власти; складывание единого военно-политического руководства, объединяющего разрозненные действия отдельных повстанческих отрядов; элементы

³⁷ См.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1 / Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. М., 1948. С. 354, 461, 629; Базилевич К. В. История СССР с древнейших времен до конца XVII века. М., 1949. С. 339, 410; История СССР. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма. Изд. третье / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1955. С. 640—642.

³⁸ См.: Советская историография. М., 1996. С. 155.

организованности в стихийном крестьянском движении. В качестве характерных черт крестьянского протестного движения определялись: стихийность и разрозненность крестьянских выступлений и в целом стихийный характер войны; массовое участие крестьянства, придававшее силу, размах и остроту всему движению; длительный характер войны, который объяснялся тем, что, будучи подавленной в одних районах, война вспыхивала с новой силой в других. Историческое значение крестьянской войны оценивалось с точки зрения ее воздействия на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие страны³⁹.

В сентябре 1958 г. на расширенном заседании в Ленинградском отделении Института истории АН СССР состоялось обсуждение доклада И. Н. Смирнова по поводу статьи А. А. Зимина. Докладчик подчеркивал суть крестьянской войны как войны гражданской, с элементами борьбы за власть. Обсуждались вопросы хронологии, понятие, социальный состав, историческое значение крестьянской войны. В.В.Мавродин отметил в качестве характеристик крестьянской войны наличие единого центра, единого руководства, борьбу за власть. А. Л. Шапиро обратил внимание на появление территории, контролируемой повстанцами, организацию повстанческих вооруженных сил⁴⁰.

Участники дискуссии на страницах журнала акцентировали внимание на отдельных значимых сюжетах. В. И. Корецкий сформулировал идею о перерастании массового протестного движения (антифеодального) в крестьянскую войну с ее характерными чертами: стихийностью, неорганизованностью, раздробленностью⁴¹. Р. В. Овчинников определил крестьянскую войну как совокупность одновременных многочисленных местных выступлений. В числе ее признаков автор назвал наличие социальной и политической программы, единого военно-политического центра, повстанческой армии, элементов организованности. Целью крестьянской войны называлась борьба за захват политической власти⁴². И. М. Скляр акцентировал внимание на особенности крестьянской войны есть войны гражданской⁴³.

В. В. Мавродин в своей статье в качестве признаков крестьянской войны выделял наличие обширной территории, контролируемой повстанцами, общие для всего движения лозунги, элементы сплоченности. Он характеризовал крестьянскую войну как борьбу с политикой общегосударственного масштаба. Автор сделал важное уточнение по поводу вопроса о власти: борьба не против государственной власти как таковой, а за справедливую власть. Мавродин обратился также к анализу причин войны. В их числе были названы законодательное оформление насильственных порядков в масштабе всей страны и проведение единой политики по реализации установленного законодательства в отношении всего крестьянства страны; давление на крестьянство со стороны всего государства, а не только его местных органов; осознание крестьянством собственной угнетенности, несправедливости, обездоленности, безнадежности. Наконец, историческое значение крестьянской войны оценивалось в контексте ее влияния на эволюцию государственной системы, на политику государства, а не только как накопление ненависти и неприятия государства в крестьянской среде⁴⁴.

Логическим продолжением дискуссии по поводу первой крестьянской войны начала XVII в. стала статья А. Л. Шапиро в «Вопросах истории» в 1965 г., в которой автор поставил вопрос

³⁹ См.: О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в. (Обзор дискуссии) // Вопросы истории. 1961. №5. С. 102—103, 106, 115, 119—120.

⁴⁰ См.: О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века // Вопросы истории. 1958. №12. С. 204—208. Доклад Смирнова был вскоре опубликован в журнале: Смирнов И. Н. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века // Вопросы истории. 1958. №12. С. 116—131.

⁴¹ См.: Корецкий В. И. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века // Вопросы истории. 1959. №3. С. 137.

⁴² См.: Овчинников Р. В. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. в России // Вопросы истории. 1959. №7. С. 82.

⁴³ См.: Скляр И. М. О начальном этапе первой крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. №6. С. 90.

⁴⁴ См.: Мавродин В. В. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России // Вопросы истории. 1961. №5. С. 45—46.

об исторической роли всех крестьянских войн XVII—XVIII вв. в России. В данной статье была поставлена проблема о прогрессивности крестьянских восстаний в России, прогрессивности всего крестьянского движения, историческом значении крестьянских войн. Впервые указанные процессы связывались с изменением общественного сознания⁴⁵.

Конечно, о каких-либо аналогиях в отношении истории Советского государства в тот период никто из исследователей не мог и помышлять. Крестьянские войны связывались исключительно с феодализмом. В литературе 1960—1970-х гг. содержание феномена крестьянской войны в истории России определялось как гражданская война угнетенных классов и сословий против класса феодалов и против крепостнической государственной власти. Крестьянская война признавалась высшим выражением классовой борьбы крестьянства. Отмечалась дискуссионность многих проблем истории крестьянских войн в советской историографии: хронологических рамок, социального состава повстанцев, исторического значения крестьянских войн и др.⁴⁶

Исключением для советской историографии конца 1960-х – начала 1970-х гг. явилась дискуссия по оценкам военного коммунизма (И. Б. Берхин, Е. Г. Гимпельсон). Круг тем и проблем, по которым заявлялись различные точки зрения, в данной дискуссии был объективно ограничен. Кроме того, разные позиции были возможны лишь в одном случае: если они вписывались в «общепринятую» концепцию данной проблемы. Никто из участников дискуссии не мог взять под сомнение официальную трактовку Гражданской войны в России. Можно было спорить о частных временных рамках, отдельных эпизодах, но ни в коем случае о содержательных явлениях, например, о причинах и характере перехода к нэпу и т.п.⁴⁷

Исследователи крестьянского движения в Советской России в 1960—1980-е гг. в духе сложившейся традиции трактовали крестьянские выступления как «кулацкие», повышенное внимание уделяли роли в них различных оппозиционных партий и сил – эсеров, меньшевиков, бывших офицеров⁴⁸. Советская историография, как правило, квалифицировала крестьянские восстания как белогвардейско-кулацкие или эсерово-кулацкие по руководству и характеру, антисоветские – по политической направленности. Участие широких крестьянских масс в восстаниях трактовалось как «колебания середняка». Большинство советских историков движущей силой крестьянских волнений считало местное кулачество и остатки контрреволюционных элементов. Что же касается трудящегося крестьянства, то его частичное участие в восстаниях признавалось, но объяснялось исключительно привходящими обстоятельствами: принуждением со стороны повстанческого руководства, экономической зависимостью бедноты от кулаков или политической несознательностью бедняков и середняков. Основные причины крестьянских восстаний советские историки видели в слабости местных органов диктатуры пролетариата, высоком удельном весе кулачества в составе крестьянства, организационно-политической деятельности контрреволюционных сил, якобы создавших подпольные Союзы трудового крестьянства (в Сибири – Сибирский крестьянский союз), а также в отступлениях от классового

⁴⁵ См.: Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII—XVIII вв. в России // История СССР. 1965. №5. С. 61.

⁴⁶ См.: Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. Т. 13. М., 1973. С. 398—404.

⁴⁷ См.: Советская историография. С. 36.

⁴⁸ Наумов В. П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972; Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966; Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне гражданской войны). М., 1968; Литвин А. Л. Крах аграрной контрреволюции (1918—1919 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения. Сборник IV. Казань, 1969; Его же. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972; Запаводникова А. Г. Борьба с кулацкой контрреволюцией в Западной Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству (1920—1922). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969; Басманов В. И. Кулацко-эсеровский мятеж 1921 г. в Тюменской губернии (к историографии вопроса) // Ученые записки Тюменского гос. университета. Т. 34. Тюмень, 1976; См. также: Наумов И. В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950-х – середины 1980-х годов. Иркутск, 1991.

принципа и нарушениях революционной законности при проведении продразверстки⁴⁹. Конкретный эмпирический материал основывался на ограниченной источниковой базе и не подвергался проверке на фактическую достоверность, воспринимался некритически.

В то же время некоторые исследователи выдвигали причины крестьянского недовольства более глубокого порядка: в качестве главной причины крестьянского протеста назывался кризис политики военного коммунизма⁵⁰. Ю. А. Поляков высказал идею о том, что крестьянская борьба есть часть Гражданской войны. В то время этот тезис противоречил официальной установке о «рабоче-крестьянском союзе». В крестьянских восстаниях периода Гражданской войны выделялись новые черты: расширились географические рамки, увеличилась территория, охваченная выступлениями, возросла их массовость, длительность и упорность, наличие выступлений в частях Красной Армии, участие в восстаниях середняков как главная причина их роста⁵¹.

И. Я. Трифонов обратился к изучению перехода от политики военного коммунизма к нэпу. Однако его утверждение о том, что после введения нэпа крестьянство полностью перестало поддерживать повстанцев, не соответствует действительности. Преувеличил автор также представление о том, что повстанцы из-за этого «мстили населению»⁵². В. И. Шишкин отмечал недовольство всего крестьянства Советской властью как носительницей этой политики. В его статьях о социальной природе Западно-Сибирского и других восстаний начала 1921 г. утверждалось, что эти протестные явления имели «массовый крестьянский характер», а выдвижение повстанцами лозунга «За советы без коммунистов» связывалось с кризисом всей советской политической системы, разразившимся на рубеже 1920—1921 гг.⁵³

Основное внимание большинства советских исследователей обращалось, в русле официальной идеологии, освещению социально-политических причин крестьянских восстаний, классового характера и политической направленности повстанческого движения, хода боевых действий и непосредственных результатов. Акцент делался на освещении военной стороны событий, тогда как многие проблемы, раскрывающие социально-политическое и идейное содержание восстания, не рассматривались совсем либо упоминались вскользь. Например, совершенно вне поля зрения историков оставались демографические, моральные, психологические аспекты протестных явлений, вопросы о взаимоотношениях повстанцев и местного населения, об участии и роли органов ВЧК, революционных и военно-революционных трибуналов в подавлении восстаний, об их долгосрочных последствиях⁵⁴.

⁴⁹ Богданов М. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961; Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983; Щетинов Ю. А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в советской России (конец 1920—1921 гг.). М., 1984.

⁵⁰ См.: Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Ч. 1 (1921—1923 гг.). Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964; Поляков Ю. А. О политических настроениях крестьянства к концу гражданской войны // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967;

⁵¹ См.: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 372, 374—376.

⁵² См.: Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Ч. 1 (1921—1923 гг.). С. 123.

⁵³ См.: Шишкин В. И. Советы Сибири в конце 1920 – начале 1921 г. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч.2; Его же. О социальной природе антисоветских вооруженных выступлений в сибирской деревне (конец 1919 – начало 1921 г.) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976.

⁵⁴ См.: Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса. С. 137—145.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.